

Европа в эпоху Средневековья. Десять столетий от падения Рима до религиозных войн. 500—1500 гг.

Автор:

[Джордж Адамс](#)

Европа в эпоху Средневековья. Десять столетий от падения Рима до религиозных войн. 500—1500 гг.

Джордж Бертон Адамс

Известный американский историк Джордж Бертон Адамс в своем труде рассматривает историю Средневековья, начиная с упадка Римской империи и до эпохи, называемой Реформацией. Автор рассказывает о начале христианства, о германизации, формировании папства, о франках, феодализме и Крестовых походах, то есть о всем том, что подтолкнуло мир к Возрождению и Новому времени... Всем, по-настоящему ценном, приобретенном в прошлом, которому суждено сохраниться и продолжиться в непрерывном развитии мира.

Джордж Бертон Адамс

Европа в эпоху Средневековья. Десять столетий от падения Рима до религиозных войн. 500—1500 гг

GEORGE B. ADAMS

CIVILIZATION DURING THE MIDDLE AGES

ESPECIALLY IN RELATION TO MODERN CIVILIZATION

© Перевод, «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

Введение

Ради удобства историю обычно делят на три больших периода: древний, средневековый и современный[1 - В российской историографии выделяют следующие крупнейшие периоды мировой истории: Первобытное общество (на Ближнем Востоке - до ок. 3000 г. до н. э.), Древний мир (в Европе - до 476 г. н. э.), Средние века (476—1640-е), Новое время (1640-1918) и Новейшее время (1918 г. - наши дни). В западной историографии окончание Средних веков связывают с XVI в., после чего начинается единый период современной истории. (Примеч. ред.)]. Такое разделение представляется естественным в том смысле, что каждый из этих периодов, если рассматривать его в общем, отличается от остальных определенными особенностями. Древняя история началась в неизвестные века, и для нее характерен весьма значительный прогресс цивилизации по трем-четырем отдельным линиям. Каждая из них была творением разных народов, плоды трудов которых не были объединены в одно целое вплоть до конца этого периода, хотя процесс объединения в отдельных аспектах начался еще задолго до того. По мере приближения периода к его концу жизненная энергия древних народов, по-видимому, уменьшалась, и прогресс цивилизации прекратился, за исключением, пожалуй, единственной линии.

Средневековая история начинается с выхода на арену нового, юного народа, народа, которому судьбой суждено было подхватить труд Древнего мира и продолжить его. Но эти люди стояли на гораздо более низком уровне

цивилизации, чем тот, которого достигли древние. Чтобы постичь их труд и возобновить его, они должны были сначала подняться до их уровня. Это был долгий и медленный процесс, сопровождавшийся в большой степени очевидной утратой цивилизованности, невежеством и анархией и множеством лишь временных подручных мер вместо идей и институтов. Но постепенно началось улучшение, новое общество стало все более ясно осознавать тот труд, который должно было совершить, и те плоды, которых добились их предшественники, оно стало прибавлять новые достижения к старым, и период закончился, когда наконец новые народы, в полноте овладев трудами Древнего мира в литературе, науке, философии и религии, с величайшей энергией и решительностью открыли новый век прогресса. Такова средневековая история, первая часть которой – темные века, если правомерно называть их так, когда древняя цивилизация пала жертвой варварского насилия и суеверий, а последняя – восстановление большей части этой цивилизации с некоторыми важными дополнениями, которые привнесли уже преобразившиеся варвары, это период, который в его полном расцвете мы называем эпохой Возрождения.

Современная история опять же характеризуется необычайно быстрым и успешным продвижением в самых разнообразных направлениях, но не так, как в Древнем мире – за счет отдельного труда различных народов, а всеми частями общемировой цивилизации, которая равно принадлежит всем нациям.

Хотя, однако, таким образом мы можем указать на отличительные черты этих крупных периодов, нам следует внимательно отнестись к тому элементарному факту всей истории, что ее не столь крупные периоды не имеют выраженных границ. Одна эпоха переходит в другую путем постепенного преобразования, которое совершенно незаметно для действующих лиц данного этапа и которое историк может определить как свершившийся факт гораздо более четко, нежели какой-либо непосредственный участник процесса.

Временем окончания древней истории традиционно считается 476 год нашей эры, хотя существуют альтернативные мнения относительно предпочитаемых историками конкретных дат. Великий факт, знаменующий окончание этой эры и начало новой – завоевание Западной Римской империи германскими племенами, каковой процесс занял весь V век и даже долее. Но если бы мы выбирали какую-то особую дату, чтобы отметить произошедшую перемену, пожалуй, для этой цели лучше всего и подошел бы 476 год. Завоевание тогда шло полным ходом, и в этом году на Западе отказались от титула римского императора, где он давно стал просто тенью; в Константинополь отправилось посольство, чтобы сообщить

ему, что Запад удовлетворится одним императором на Востоке, и попросить его передать власть над Италией Одоакру[2 - О д о а к р (ок. 431–493) – начальник одного из наемных германских отрядов на римской службе, низложивший в 476 г. Ромула Августула и захвативший власть в Италии («падение Западной Римской империи»). (Примеч. ред.)]. На тот момент все остальные провинции Западной империи были заняты или вскоре будут заняты новыми германскими королевствами, из которых одни слабо признавали верховенство империи, а другие не признавали его вовсе.

Когда мы обращаемся к завершению средневековой истории, то находим, что относительно конкретной даты, которую следует выбрать в качестве ее окончания, имеются большие разногласия. Для одного автора это 1453 год, падение Восточной Римской империи после захвата Константинополя турками; для другого – 1492 год, открытие Америки; для третьего – 1520 год, когда полным ходом шла Реформация. Это разнообразие дат само по себе весьма примечательно. Оно неосознанно свидетельствует об одном чрезвычайно важном факте: Средние века заканчиваются в разные сроки в разных направлениях развития – явно намного раньше в политике и экономике, чем в интеллектуальном аспекте (этот факт мы в свое время рассмотрим более пристально). Каждый автор испытывает сильное искушение выбрать в качестве окончания общего периода дату его окончания в той конкретной области, которая лежит в сфере его особых интересов. В рамках настоящего обзора мы остановимся на 1520 годе, поскольку, хотя в политической области весь период Реформации явно движется с течением современной международной политики, в других аспектах он все же не менее явно отмечает переход от Средневековья к современности и тем самым фиксирует завершение целого этапа цивилизации в тот период, который мы будем рассматривать особенно подробно[3 - Российская историография, отмечая завершение Средневекового периода в 1640-х гг., ориентируется на окончательное умирание феодализма в Европе, подписание Вестфальского мира (1648), по итогам которого религиозный фактор перестал играть существенную роль в европейской политике, а также на Английскую революцию. (Примеч. ред.)].

Этот период имеет протяженность более тысячи лет, примерно между 476 и 1520 годами. Изучить его чрезвычайно важно, если мы хотим составить представление о крупных движениях истории в целом, потому что, поскольку он является переходным между двумя эпохами, когда происходил более активный прогресс, невозможно понять условий его начала, не разобравшись в итогах древней истории, а его заключительная эпоха уносит нас так далеко от современной истории, что мы неизбежно составляем некоторую картину сил,

определяющих новые направления, и, следовательно, тщательное изучение среднего периода истории позволяет в значительной степени осознать весь ее ход. Для составления этой картины неотъемлемой частью нашего плана должен быть довольно подробный разбор положения дел в последнюю эпоху древней истории, а также в эпоху начала современной истории, хотя и в несколько меньшей степени, потому что ее характер и условия нам лучше знакомы.

Период, который мы определили таким образом, также представляет собой весьма продолжительный отрезок в жизни человечества – где-то около трети его документированной истории. Он важен сам по себе, и, чтобы полностью его осознать, мы должны в первую очередь составить как можно более четкое представление о его месте в общей истории мира.

Мы уже очень кратко обрисовали его характер. Это была переходная эпоха. Находясь фактически между двумя другими, в каждой из которых цивилизация развивалась особенно быстро, она сама не является временем прогресса. По сравнению с древней или современной историей вклад Средних веков в общее дело цивилизации мал и незначителен. В абсолютном же смысле, возможно, это не так. К моменту завершения нашей работы мы сможем составить важный перечень приобретений, сделанных в течение этих столетий в плане институтов, идей и позитивного знания. Но самые важные из них относятся к последней части периода, и в действительности они сами являются признаками того, что эпоха близится к концу и начинается новая. Прогресс, каков бы он ни был, великий или малый, не относится к ее отличительным характеристикам.

Общее признание этого факта выразилось в том распространенном взгляде, что Средневековье – непродуктивный и неинтересный период истории, «темные века», настолько дезорганизованные и не имеющие очевидного плана, что их события представляют собой не более чем беспорядочную кучу-малу, которую невозможно систематизировать или удержать в уме. Это, безусловно, так, если только не найти во всей этой неразберихе проходящей через нее какой-то линии эволюции, которая придает ей смысл и организованность. Если мы установим, какой труд был проделан в этот период для мировой цивилизации, тогда увидим, как не такие уж крупные детали – отдельные шаги в осуществление этого труда – обретают систематичность и порядок и становятся легкими для усвоения. И безусловно, эпоха должна иметь какое-то общее значение. Упорядоченный и размеренный ход истории делает невозможным противоположный вывод. Можно или нельзя правильно сформулировать это значение – вопрос куда более неопределенный. Именно из-за трудности этого

вопроса средневековая история кажется нам такой сравнительно непродуктивной.

Наиболее очевидным общим значением эпохи является то, о чем мы уже вскользь упомянули. Это ассимиляция. Величайший труд, который необходимо было проделать, заключался в том, чтобы довести германских варваров, которые овладели Древним миром и стали повсеместно господствующим народом, до такого уровня достижения и понимания, чтобы они смогли подхватить труд цивилизации там, где Античность была вынуждена его приостановить, и продолжить его.

Прогресс в Древнем мире прекратился. Доведя цивилизацию до определенной точки, античные народы, похоже, не смогли уже продолжать ее и дальше. Даже в тех областях, где им удалось достичь самых замечательных результатов, как, например, в римском праве, казалось, ничего уже невозможно сделать, разве что приспособлять старые результаты к новым формам. Лишь в одной линии и более-менее в оппозиции к обществу в целом, часть которого она составляла, – только в христианской церкви, – оставались какие-то признаки энергичной и полной надежд жизни. Творческие силы Античности казались исчерпанными.

Однако в этом утверждении следует подчеркнуть слово «казались». Мы не имеем права догматически утверждать, что это было так. Есть соблазн провести аналогию между жизнью человека и жизнью народа – детство, зрелость, старость, смерть, но нужно помнить, что это всего лишь простейшая аналогия, никак не поддержанная фактами. История не дает нам четких доводов в пользу того, что какая-либо нация погибла от старости. Вполне вероятно, что, если бы римский мир предоставили самому себе, если бы его не завоевал и им не овладел бы чужеземный народ, со временем он восстановил бы свои производительные силы и вошел в новую эпоху развития. Некоторые ранние примеры возрожденных сил, как при Константине и Феодосии, свидетельствуют, что это возможно. Впоследствии это в ограниченной степени удалось Восточной Римской империи при гораздо менее благоприятных условиях, чем могли сложиться в Западной. Запад, несомненно, достиг бы гораздо большего.

Но такая возможность ему не представилась. Со времен Марии и Цезаря германцы выжидали удобного шанса пробиться на запад и юг. И с середины II века по мере того, как они, высматривая любой незащищенный пункт, нападали все более дерзко и все чаще, слабела и сила сопротивления. А когда империя достаточно ослабла, чтобы и дальше отражать атаки, германцы, пробив брешь в

наружной защите, овладели Западной империей. Провинция за провинцией перешли в их руки. Повсюду они свергали существовавшее правительство и создавали свои королевства, одни – скоротечные и незрелые, другие – многообещающие и более долговечные, но повсюду они стали правящим народом, а Рим стал подданным.

Но если германцы были физически более сильным народом, одаренным некоторыми понятиями о законах и политике, достойным быть присвокупленными к римским в равноправном партнерстве, то в других отношениях они были грубыми и дикими – детьми в том, что касается знания и понимания, находясь фактически на таком уровне цивилизации, которого они достигли сами, то есть немногим выше, если выше вообще, уровня лучших племен североамериканских индейцев. В способности к цивилизации, в их умении воспринять другую цивилизацию более высокого качества, чем их собственная, и не поддаться ее пагубному воздействию – хотя, конечно, некоторые из лучших их племен, например, франки, были не менее склонны усваивать плохое, как и хорошее, – в быстроте, с которой они реагировали на стимул новых идей и переживаний, они явно превосходили даже племя чероки[4 - Пожалуй, было бы несправедливо по отношению к чероки требовать от них, чтобы они за 100 лет добились такого же прогресса, какого франки добились за 300, и если беспристрастно рассмотреть все факты, из них отнюдь не следует, что чероки не сравнялись бы с германцами по скорости развития, и больше того, чрезвычайно их превосходят. (Здесь и далее, если не указано отдельно, примен. авт.)]. Однако в очень многих аспектах – в идеях, одежде, привычках и образе жизни, в способах ведения войны и дипломатии – параллель очень близка и любопытна[5 - Описание некоторых этих частных см. в новелле Феликса Дана Felicitas, повествующей о воображаемом захвате римского пограничного города германским племенем. Другие см. в описании войн Карла Великого с саксами во «Введении в Средние века» Эмертона.], и, если можно представить себе цивилизованную страну, захваченную отрядами воинов, которые в реальных достижениях материально стоят не выше наших лучших индейских племен, хотя и превосходят их по духу и морали, получившаяся картина не будет так уж неверна.

Их охватывало удивление при виде умений и искусств, которые они видели со всех сторон, но они не понимали их и не могли их использовать. История германского воина, который, изумившись при виде уток, которые, как ему показалось, плавали прямо на полу передней комнаты, где он ждал, ударил боевым топором по прекрасной мозаике, чтобы узнать, живые ли они, совершенно типична для того века. Многие они разрушили по своему

невежеству, а многое – по ребячеству или дикости. Гораздо больше было забыто и исчезло, потому что пришло в небрежение, и никто не хотел им пользоваться. Искусство, которое давно уже угасало, в конце концов погибло. Наука, уже не интересовавшая никого, исчезла. Греческий язык был забыт; латинский язык в народном употреблении подвергся сильным искажениям. Ремесленное мастерство утрачено. Дороги и мосты пришли в негодность. Сообщение стало затруднительным; торговля пошла на убыль. Немногие общие идеи и интересы сохранились, связывая разные части империи или хотя бы провинции. Новые власти редко могли добиться повсеместного послушания и часто даже и не пытались. Насильственные преступления стали обычным явлением. Сила царила там, где прежде господствовали закон и порядок, и жизнь и собственность находились в гораздо меньшей безопасности, чем когда-то[6 - Можно провести одно весьма интересное сравнение между последовательными изменениями условий в Галлии, если сопоставить фрагменты из Цезаря, наир., I, 17, 18; VI, 11-15 и другие, которые показывают состояние провинции, в каком он ее нашел; письма Сидония Аполлинария накануне завоевания, которые говорят, каково было ее состояние в лучшие дни римской оккупации; и рассказ о Сихарии у Григория Турского, VII, 47 и IX, 19, или фрагмент из Григория в гл. 6 «Франки и Карл Великий» (с. 138-139), показывающий ее состояние при франках.]].

Нет ничего странного, что все это произошло или что последующие века кажутся нам темными. Разве могло быть иначе? На общество, где производительные силы уже находились в упадке, на ветхую и угасающую цивилизацию хлынул мощный потоп невежества, полчище варваров, чтобы взять под свою власть все, не думая ни о чем, кроме физической жизни в миг настоящего, не имея представления об искусстве, науке или мастерстве и не заботясь о них ни в малейшей степени. Как можно в таких условиях сохранить хоть что-то как часть осознанного человеческого багажа? Упадок, начавшийся еще до прихода германцев, после него продолжился еще быстрее, пока все, казалось бы, не погрузилось в забвение. Весь западный мир отступил на более примитивную ступень цивилизации, которую он уже прошел когда-то в прошлом, и стал более приземленным, невежественным и суеверным, чем прежде. Потребовалось бы чудо, невиданное дотоле, чтобы и дальше поддерживать жизнь греко-римской цивилизации в общем населении Запада в те времена, поскольку для этого пришлось бы перестроить саму человеческую природу и изменить все исторические законы.

Большая часть всего, чего добился Древний мир, казалось, утрачена. Но это была лишь видимость. Почти все, если не все до единого, достижения греков и римлян в мысли, науке, области права, практических искусствах ныне являются

частью нашей цивилизации, будь то орудия повседневной жизни или давно забытые, или, может, отвергнутые краеугольные камни истории, которые исчезли из нашего поля зрения, потому что мы построили на них более совершенное здание – здание, которое, однако, никогда не могло бы быть построено, если кто-то сначала не заложил бы эти камни в фундамент. Всему настоящему ценному, приобретенному в прошлом, суждено было сохраниться в непрерывной цивилизации мира. Одно время оно показалось потерянным, но в конечном счете восстановление не могло не свершиться. Благодаря длительному процессу образования и своему естественному росту под влиянием остатков древней цивилизации, отнюдь не малым и не существенным, которые с самого начала действовали эффективно, благодаря расширению опыта и внешним стимулам варварское общество, сложившееся в результате завоевания, наконец дошло до того уровня, на котором смогло постигнуть классическую цивилизацию, по крайней мере в такой степени, чтобы понять, что ему еще очень многому нужно научиться у древних. Затем с энтузиазмом, который редко испытывал этот народ, он за одно-два поколения овладел всем, чего не знал, в трудах классического мира – в сфере мысли, искусства и науки, и, усиленный подобным образом, с самого начала встал на путь к еще большим достижениям современности.

Эта эпоха окончательного восстановления – эпоха Возрождения – отмечает, таким образом, завершение этого процесса образования – поглощения германцев завоеванной ими цивилизацией, поглощения столь полного, что они смогли подхватить ее в тот миг, когда грекам и римлянам пришлось ее бросить, подхватить и продолжить, доведя до еще более высоких результатов. Так, эпоха Возрождения – это последняя веха средневековой истории, а средневековая история есть история этого образования и усвоения, процесса, посредством которого германцы встроились в классический мир и благодаря которому из двух элементов – римской цивилизации и германской энергии, решительности и производительной силы с новыми идеями и институтами – возникло новое органическое единство – современное общество. В этом и состояла задача: вывести из одичавшего VI века, застойного и фрагментарного, с отсутствием единства в общей жизни, без идеалов и энтузиазма, XV век, вновь в полной мере овладевший единой мировой цивилизацией, напряженный, упорный и воодушевленный. Это то, что должно было совершить Средневековье, и именно это оно и сделало.

Это был медленный процесс. Он занял почти тысячу лет. И не мог не быть медленным. Рим цивилизовал кельтов Галлии и сделал из них подлинных римлян через сто лет; но в случае с германцами существовали по крайней мере две

очень веские причины, в силу которых эта задача не могла быть решена так быстро. Во-первых, они были народом-победителем, а не побежденным, что имело огромное значение. Именно их власть, их законы и институты, их идеи, даже их наречия были навязаны римлянам, а не римские – им; и, хотя высшая цивилизация подданного народа сразу начала воздействовать на них, это были лишь те ее части, которые особенно впечатлили их, а не вся ее совокупность, с большей ее частью они фактически даже не соприкасались. Во-вторых, Рим V века не был уже Римом I века. Он утратил свою способность к перевариванию и усвоению; более того, в этот интервал процесс даже пошел вспять, и Рим сам уже стал варварским и тоже германизировался, не в силах долее сопротивляться влиянию постоянно растущего числа варваров, приходивших в империю через армии и рабские бараки. Если бы Рим в V веке со всеми своими тогдашними чертами завоевал Германию, он вряд ли смог бы романизировать ее за гораздо меньшее время, чем потребовалось на самом деле.

Но эта работа, хотя и медленная, началась с того момента, как германцы вступили в тесный контакт с римлянами: будь то в качестве подданных или господ, они признали тот факт, что в римской цивилизации есть нечто превосходящее их собственную цивилизацию, и не считали ниже своего достоинства заимствовать ее у Рима и учиться у него, в большинстве случаев, конечно, без какого-либо сознательного умысла, но иногда, разумеется, вполне намеренно[7 - В течение всего хода истории тевтонские народы, превыше всех прочих, отличались своей способностью адаптироваться к изменившейся среде и в короткое время оказываться в полной гармонии с новыми условиями. Именно это больше, чем что-либо другое, позволило им оказать столь огромное влияние на современную историю. Будь то тевтоны в Римской империи, или норманны во Франции и Сицилии, или датчане, пруссаки, или голландцы в Америке, в каждом случае в удивительно краткий срок иммигранты прочно обосновывались на новой земле, как дома, будто жили на ней веками, поистине неотличимо от исконных жителей. Современный немец в своем Фатерлянде может жаловаться на то, что язык и особенные черты народа так быстро исчезают, но тот, кто изучает историю, легко увидит, что никаким иным способом этот народ не мог бы стать тем, кем стал – великой творческой силой современной цивилизации.]. Если сравнить с современностью прогресс, достигнутый за пятьсот лет, последовавших за V столетием, он, разумеется, выглядит «китайским веком» [8 - Имеются в виду слова Альфреда Теннисона «Лучше пятьдесят лет Европы, чем китайский век». Во времена Теннисона Китай считался страной, застывшей в своем развитии, где ничего не меняется. Таким образом, здесь «китайский век» означает период застоя. (Примеч. пер.)]; но если судить о нем в соответствии с условиями того времени, то успех был поистине велик и объем сохраненной

римской цивилизации оказался больше, чем можно было бы ожидать теоретически. Фактически еще до того, как политическая система приобретает какую-либо устоявшуюся форму, мы видим решительное улучшение в сфере знаний и интереса к науке и начало неуклонного прогресса, который уже никогда не прекращался.

Такова была задача Средневековья. К плодам древней истории оно должно было прибавить идеи и институты германцев, то есть в ослабленный римский народ влить юношескую энергию и решительность германского. В сложившихся условиях этот союз мог возникнуть именно как гармоничный и однородный христианский, пройдя за долгие века через анархию, невежество и суеверие. Иными словами, задача Средневековья заключалась в первую очередь не в прогрессе, а в том, чтобы сформировать органически единый и однородный современный мир из разнородных и зачастую враждебных элементов, оставшихся от Древнего мира, и таким образом обеспечить необходимые условия развития, немыслимые для древних.

О том, что эта задача полностью выполнена, наглядно свидетельствует XX век. Нашей задачей будет шаг за шагом, с того дня, когда воин-варвар вытеснил греческого философа и римского деятеля, следовать за его свершениями, пока мы не достигнем наивысшей точки современного прогресса.

Глава 1

С чего начались Средние века

Из всего сказанного во введении следует, что наша цивилизация XIX века отличается не только сложностью характера, которую мы так хорошо осознаем, но и тем, что она сложна по своему происхождению. Ее отдельные элементы – это работа поколений, далеко отстоящих друг от друга во времени и пространстве. Она собрана в единое целое из тысячи разнообразных источников. Это обстоятельство нам очень хорошо знакомо по историческим фактам. Нам сразу же приходит на ум, из каких разных эпох и народов попали в нашу цивилизацию, например, печать, теория эволюции, представительная система, «Божественная комедия»... и как они ее обогатили. Не так легко осознать присутствие в них почти в неизменном виде трудов первобытных поколений,

которые жили еще до существования письменной истории. И все-таки разжигать огонь и выращивать пшеницу мы стали по методам, практически идентичным методам первобытного человека – изменения до сих пор несущественны, – и оба этих шага, без сомнения, были не менее огромными вперед, чем любой другой с той поры. То же самое можно сказать, хотя и немного в другом смысле, о том, что сейчас в некоторых американских штатах единицей нашей политической системы является Законодательное собрание.

Среди источников, из которых разные части нашей цивилизации слились воедино в исторические времена, четыре значительно превышают по важности остальные – это Греция, Рим, христианство и германцы. Многие отдельные элементы проистекли из других источников, некоторые из них существенно изменили наши идеи и институты: алфавит – из Восточного Средиземноморья, философские представления – из долины Тигра, математические методы – из Индостана. Однако, насколько нам известно на сегодня, если оставить в стороне то, чему дальнейшее изучение памятников древних народов еще может научить нас, за исключением четырех упомянутых, ни один сводный труд какой-либо цивилизации, ни одно общее творение какого-либо народа не вошли в нашу цивилизацию в качестве одной из ее важнейших составных частей. Если мы попытаемся сообразовать пятый источник с упомянутыми четырьмя, нам придется объединить отдельные вклады различных восточных народов, сделанные в разное время в течение всего хода истории и не имеющие никакой связи друг с другом. Однако достижения греков как органическое целое лежат в основе всего последующего прогресса.

Из этих четырех элементов три слились еще до окончания периода древней истории. Своим завоеванием классического мира Рим прибавил греческую цивилизацию к собственной и подготовил путь для введения идей и влияний, проистекавших из христианства, и из этих трех источников, главным образом, и сформировалась та практически однородная цивилизация, которую германцы нашли во всей Римской империи, овладев ею. Следовательно, чтобы установить, с чего пришлось начинать Средневековью и каков вклад Древнего мира в XIX век, нужно, хотя и по возможности кратко, рассмотреть итоги труда греков и римлян и элементы, введенные благодаря христианству.

Вклад Греции, естественно, должен идти первым по порядку. Он, можно сказать, был сделан исключительно в областях литературы и искусства, философии и науки. Другие ее достижения, которые могли бы иметь долговременное влияние, сравнительно незначительны. Достижения греков в литературе и искусстве

слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в обстоятельном изложении. Не будет сильным преувеличением сказать, что они по-прежнему остаются самым щедрым вкладом в этот аспект нашей цивилизации среди всех, сделанных какими-либо народами на протяжении всей истории; и очень легко поверить, что с введением в наших школах таких методов обучения, которые позволили бы глубже оценить его, в будущем он, возможно, окажет еще большее влияние, чем когда-либо в прошлом, поскольку он всегда воздействует на дух отдельного человека. Именно этот аспект греческих достижений более всех других воспринял римский мир, так что даже те части латинской литературы, которые могут считаться не просто переписанными с греческих, все же глубоко пронизаны греческим влиянием.

Но греческий ум проявил себя так же активно и творчески в областях философии и науки, как и в литературе и искусстве. Греческая мысль лежит в основе всех современных умозрительных рассуждений, и Аристотель и Платон по-прежнему являются «учителями тех, кто знает» [9 - Цитата из Данте об Аристотеле, «Ад», песнь IV: «Я увидел: учитель тех, кто знает...» Под «учителями» имеются в виду величайшие мыслители. (Примем. пер.)]. Греки прямо или косвенно брались за все великие проблемы философии и оформили свои разнообразные выводы в виде тщательно разработанных систем еще до того, как завершилась их активная интеллектуальная жизнь. Эти греческие школы мысли передали римлянам философские убеждения и оказали глубокое воздействие на абстрактную теологию христианской церкви, и всего лишь несколько коротких положений одной из них послужили отправной точкой для бесконечных спекуляций и бесплодных конфликтов между реалистами и номиналистами [10 - Спор о том, являются ли общие понятия – универсалии – реально существующими (реалисты) или всего лишь именами существующих вещей (номиналисты). (Примем. пер.)] в позднем Средневековье.

У греков философия и наука были очень тесно связаны друг с другом. Философ, скорее всего, изучал также физику и естественные науки, и бытовало мнение, что устройство Вселенной и элементов, составляющих все небесные тела, можно определить с помощью теоретических рассуждений. Это особенно верно в отношении ранних периодов греческой мысли. Это характерно для всей ранней мысли, что в решении любой проблемы она обращается к рассуждениям, а не к исследованию, а для прогресса знаний характерно и то, что оно непрерывно расширяет количество тех вопросов, которые, как мы ясно видим, можно в действительности решить только за счет эксперимента и наблюдения.

Этого последнего этапа знания греки в большей или меньшей степени достигли применительно к чрезвычайно разнообразию предметов, и объем и характер их научной работы поистине поражают, учитывая их древность. Их любимыми направлениями были математика и естественные науки, физика и астрономия, и они добились в них больших успехов, нежели в науках о природе, таких как зоология и ботаника. Эти научные труды вряд ли повлияли на римлян и в Средние века были полностью забыты христианскими народами Запада; но в эпоху Возрождения возникла современная наука, и она явно и сознательно основывалась на фундаменте, заложенном еще греками. В каждом направлении первый шаг состоял в том, чтобы установить, что знали об этом древние, а затем уже начать новое развитие с той точки, до которой они дошли. Первые медицинские лекции были комментариями к греческим текстам, почти столь же филологическими, сколь и научными, а первым шагом Коперника в подготовке совершенной им научной революции был поиск в классических трудах теории Солнечной системы, отличной от птолемеевой. Это можно сказать обо всех науках – и о тех, где труды греков были окончательно отвергнуты как бесполезные, и о тех, где они по-прежнему представляют ценность. Греческая наука, несомненно, во многих случаях категорически ошибалась; но эти ошибки, по всей вероятности, представляют собой лишь этапы исследования, через которые разум должен был неизбежно пройти в поиске истины, и труды греков, хотя и ошибочные, безусловно, принесли свою пользу.

Такая короткая и общая характеристика не позволяет составить представления о невероятном характере греческого труда, учитывая его древность, небольшую величину страны и немногочисленность поколений, которые его совершили. Однако верная оценка этого труда в наше время настолько широко распространена, что и короткой характеристики вполне может быть достаточно для целей данной книги [11 - Бывает даже, что эта оценка греческого труда в отдельных случаях выражается в экстравагантных формах. Ренан в предисловии к своей «Истории израильского народа» говорит: «Структура человеческой культуры, созданная Грецией, предрасположена к неограниченному расширению, но в некоторых своих элементах она достигла полноты. Прогресс будет состоять в непрерывном развитии того, что зародилось в Греции, в осуществлении задуманных ею планов, которые она, так сказать, наметила для нас» (т. I, с. i), «Я даже добавлю, что, на мой взгляд, величайшее чудо в истории – сама Греция» (с. x). Саймондс с очевидным одобрением приводит следующую цитату: «Один автор, не менее здравомыслящий в своей философии, чем красноречивый в языке, недавно заметил, что „кроме слепых сил природы, в этом мире нет ничего, что не было бы греческим по происхождению“» («Возрождение обучения», с. 112). Процитированный отрывок, конечно, лучше

свидетельствует о красноречии автора, нежели о его здравомыслии.]

Едва ли необходимо, разве что дабы развеять популярное заблуждение, добавить к этому обзору греческих трудов, оказавших на историю столь долговечное влияние, ту негативную характеристику, что в них полностью отсутствуют политические работы. История греческих республик – интересное чтение, и складывается впечатление, будто неумная активность их политической жизни должна была привести к созданию чего-то обладающего непреходящей ценностью; но, по существу, этого не случилось, если только не считать таковым их предостерегающий пример. Греки испытывали огромный интерес к политике, они перепробовали всевозможные политические эксперименты и показывают нам громадное разнообразие политических форм. Однако весь этот интерес был скорее интеллектуальным, чем практическим. Больше всего их привлекала напряженность соперничества, возбуждение игры, и они шли в собрание, чтобы решать политические вопросы, так же как шли в театр, чтобы посмотреть новую пьесу. У них едва ли отыщется хоть одно государство, которое добилось реального успеха в управлении, и в истории большинства их государств перевороты были такими же частыми и бессмысленными, как где-нибудь в Латинской Америке. В практическом смысле они не были творческим политическим народом, и ни один из их политических методов не стал долговременным вкладом в институциональную жизнь человечества, как это удалось императорскому правительству римлян или представительной системе англичан[12 - Даже федеральное правительство нельзя считать исключением. Как часть будущего политического аппарата мира федеральное правительство, безусловно, является творением Соединенных Штатов, и где бы еще в истории ни использовался федеральный принцип, его развитие в государственный институт для применения в гораздо большем масштабе, чем когда-либо прежде, слишком очевидно является естественным развитием особых условий и обстоятельств наших колониальных правительств, чтобы его можно было приписать какому-либо иностранному влиянию.]. Мир впоследствии ничего не заимствовал у них и ничего не строил на их основаниях. В науке о политике, как и в других науках, греки произвели необычайный труд и таким образом, возможно, оказали некоторое влияние, хотя, как правило, его невозможно проследить в образе мыслей государственных деятелей последующих веков. «Политику» Аристотеля называли такой же современной книгой, как труд Евклида, и она современна по той же причине, по которой современен Евклид – потому что это совершенно индуктивное исследование, основанное на очень широком рассмотрении политических фактов. Его собрание сочинений о государственных устройствах насчитывает сто пятьдесят восемь томов. Но наука о политике и создание работоспособных политических

институтов – это две совершенно разные вещи[13 - Ученый, который внимательно сравнит греческие конституции с римской, несомненно, сочтет первые более совершенными и более законченными образцами политической работы. Недостаточный и неполный характер, свойственный римской конституции практически в любой момент ее истории, количество институтов, которые представляются всего лишь временными мерами, являются неизбежными следствиями методов ее развития для удовлетворения потребностей, возрастающих с течением времени; фактически они свидетельствуют о ее весьма практическом характере.]

Когда мы обращаемся к свершениям Рима, нас поражает контраст между ним и Грецией. Возникает впечатление, что у каждого народа Древнего мира была своя особая сфера приложения способностей, и, работая в ней, он уже не мог выйти за ее границы. Во всяком случае, Рим был силен там, где Греция была слаба, и слаб там, в чем сильна Греция. Он трудился в области политики и права и почти не затрагивал художественной и интеллектуальной сфер. Конечно, мы не могли бы позволить себе остаться без латинской литературы. В некоторых своих аспектах – лирической поэзии, сатире и истории, например, она явно относится к высокому разряду. Она подарила нам прекрасные образцы красоты и блеска, и, вероятно, всегда найдется тот, кто считает их важнейшими качествами литературы, как всегда найдется тот, кто ставит Поупа[14 - Поуп Александр (1688–1744) – английский поэт XVIII в., один из крупнейших писателей британского классицизма. (Примеч. ред.)] в ряд величайших поэтов. Но по сравнению с греческой латинская литература не обладает ни оригинальностью, ни глубиной, ни силой. Сами древние в большей или меньшей степени сознавали этот контраст, и хотя латинская литература пронизана влиянием греческой мысли, едва ли можно отыскать хоть один пример вплоть до самых последних дней греческой литературы, когда бы у греческого автора чувствовалось осознание хотя бы самого существования латинской литературы.

То же можно сказать и о римских искусстве и науке, хотя, пожалуй, римская философия лучше всего демонстрирует контраст между двумя народами. У Рима не существовало своей оригинальной философии. Римляне просто осмысливали в других формах те результаты, которых достигли греки. Наглядный пример – тот род эклектического философствования, столь знакомый нам по сочинениям Цицерона, риторическая популяризация того, что казалось ему наилучшим в греческой мысли, без каких-либо собственных суждений, в лучшем случае не более чем сочувственные комментарии или парафразы. Это различие между двумя народами еще более отчетливо проявилось в той форме греческой философии, которую римляне культивировали с особенной любовью и в которой

они произвели на свет двух столь прославленных мыслителей, как Сенека и Марк Аврелий. Их привлекал напряженно этический характер стоицизма, идеал сильной мужественности и его принципы, естественно применимые к обстоятельствам, в которых культурный римлянин оказался в условиях ранней империи. И именно с этой чисто практической стороны римляне культивировали стоицизм. Они искренне восхваляли добродетель, наставляли себя и других людей в правильном образе жизни, пытались превратить его в миссионерскую философию и обратить его руководство и поддержку на помощь людям в целом, превращали его абстрактные формулы в конкретные нормы права, но не развивали его как науку или философию. Вся римская мысль имела практический характер, а отнюдь не эстетический или умозрительный.

И именно в этой практической стороне римский ум нашел свою миссию. Великий труд, который совершил Рим для мира, был политическим и законодательным. Как бы высоко мы ни ценили Грецию за ее литературу, мы должны столь же высоко оценить Рим за то, что сотворил его гений в области управления. Если верно то, как иногда говорят, что за всю историю не возникло литературы, которая могла бы соперничать с греческой, не считая английской, то, пожалуй, еще более верно, что англосаксонский народ – единственный, который можно поставить рядом с римским по его творческой мощи в области права и политики. Следует довольно подробно рассмотреть ту работу, которую проделал Рим в этой сфере, поскольку Римская империя – это основополагающий факт всей современной цивилизации, или, точнее, внешняя структура всей последующей истории.

Возможность оказывать такое важное политическое влияние Рим получил, разумеется, как итог своих военных успехов и обширных завоеваний; но сами по себе они ни в коей мере не являются свидетельством его правящего гения. Это была возможность, которую никто, кроме великого политического народа, не мог бы создать или использовать для каких-либо добрых целей, когда она ему представилась. Римские завоевания были не просто военной оккупацией. После одного или двух поколений народы, которые упорнее всего сопротивлялись его наступлению, становились римлянами, по крайней мере те из них, кто уже не обладал не менее развитой цивилизацией, чем римская. С самого начала своего продвижения, поглощая мелкие соперничающие города-государства, окружавшие его в Италии, Рим относился к своим подданным как к друзьям, а не как к побежденным врагам. Он разрешал им максимальную местную независимость и свободу самоуправления, какая была возможна при строгом его контроле над всеми общими вопросами. Рим не вмешивался в местные предрассудки и верования, если они не вредили общему благу.

Он знал, как внушить своим подданным, что его интересы совпадают с их интересами и что их наибольшая выгода лежит в укреплении его власти, как это, на свою беду, обнаружил Ганнибал [15 - Ганнибал (247-183 до н. э.) - карфагенский полководец, один из величайших полководцев и государственных деятелей древности, был заклятым врагом Римской республики. Военный историк Теодор Айро Додж назвал Ганнибала «отцом стратегии», так как его враги, римляне, заимствовали у него некоторые элементы его стратегии. (Примеч. ред.)], открывший путь к продвижению и успеху в тесных рамках государств для честолюбивых духом людей во всех провинциях. Уместно здесь вспомнить и о немаловажной деятельности в то время доверенного лица Цезаря испанца Бальба [16 - Б а л ь б-старший Луций Корнелий (I в. до н. э.) - римский политический деятель, консул-суффект 40 г. до н. э. (Примеч. ред.)], фактически ставшего правителем Рима.

Рим не предпринимал сознательных попыток романизировать жителей провинций и не прибегал к насильственным методам для превращения их в общий народ; однако разумными доводами, своим постоянным присутствием и положительными результатами он полностью убедил их в превосходстве своей цивилизации над их. Он всецело привлек их на свою сторону благодаря миру и доброму порядку, который установил повсюду, благодаря решительным преимуществам общего языка, общего права, общих торговых соглашений, благодаря единообразному денежному обращению, значительно усовершенствованным средствам сообщения и, отнюдь не в последнюю очередь, одинаковым отношением к представителям каждого народа. Литература дает нам множество доказательств той любви, которой пользовалось римское правление. Мы, конечно, не утверждаем, что столь благое правительство не имело своих исключений, и с течением времени оно постепенно выродилось в дурное правительство, и задача по поглощению непрерывного потока все новых варваров оказалась слишком тяжелой для истощенной империи. Но даже там, где правление Рима было наименее благоприятным для его подданных, оно до последнего века было намного лучше предшествовавших ему условий, и процесс романизации завершился еще до того, как оно где-либо превратилось в серьезное зло.

Результат такой политики проявился быстро. Им стал процесс добровольного вхождения провинций в общий римский народ. Если кто-то и предпринимал какие-то сознательные усилия, чтобы добиться этого результата, то именно жители провинций, а не правительство, и, конечно же, они не предпринимали никаких сознательных усилий для его предотвращения. И это была подлинная

ассимиляция, а не просто довольная и спокойная жизнь под властью чужеземцев. Местное платье, религия, нравы, родовые имена, язык и литература, политические и юридические институты и национальная гордость почти или полностью исчезли, исчезли для всех, кроме низших классов, и все стало римским – стало подлинно римским, так что ни римляне по крови, ни другие народы никогда и ни в коей мере не ощущали различий в происхождении, как и мы никогда не ощущаем их, например, у полностью американизированного немца, чье происхождение выдает только немецкая фамилия. Galliю, Испанию и Африку называли более римскими, чем сам Рим. В некоторых провинциях были школы риторики, то есть школы, где обучали пользоваться латынью, настолько знаменитые, что туда стремились ученики со всех концов империи. Галлия вывела в свет некоторых, ставшими знаменитейшими латинскими грамматистами[17 - Грамматист (греч. *grammatistes*) – у древних греков лицо, обучавшее искусству правильно говорить и писать, учитель начальной школы. (Примеч. ред.)]. Не следует забывать и те уважаемые испанские семейства, которые подарили латинской литературе двух Сенек [18 - С е н е к а-старший Луций Анней (ок. 54 до н. э. – ок. 39) – выдающийся римский писатель-ритор и историк. В Средние века сочинения Сенеки-отца смешивались с сочинениями Сенеки-сына. Сенека а-младший Луций Анней, или просто Сенека (4 до н. э. – 65), – римский философ-стоик, поэт и государственный деятель. Воспитатель Нерона и один из крупнейших представителей стоицизма. {Примеч. ред.}] и Лукана[19 - Л у к а н Марк Анней (39–67) – римский поэт, значительнейший римский эпик после Вергилия. Родом из Испании, племянник философа Сенеки, получил образование в Риме. {Примеч. ред.}], а христианской истории – проконсула Галлиона[20 - Г а л л и о н Юний (первоначально Луций Анней Новат, ок. 5— 65) – старший брат Сенеки-младшего. Свое новое имя, Галлион, получил после усыновления его сенатором Луцием Юнием Галлионом. В 51/52 г. был проконсулом провинции Ахайя. В 56 г. Галлион – консул-суффект. (Примеч. ред.)], участника записанного в Деяниях [21 - Деяния апостолов, полное название – Деяния святых апостолов, – книга Нового Завета, повествующая о событиях, происходивших вслед за евангельскими. (Примеч. ред.)] инцидента, который так ярко отражает отношение культурного римлянина к первым христианам[22 - «Между тем, во время проконсульства Галлиона в Ахаии, напали иудеи единодушно на Павла и привели его пред судилище, говоря, что он учит людей чтить Бога не по закону. Когда же Павел хотел открыть уста, Галлион сказал иудеям: „Иудеи! Если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас, но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей в этом”. И прогнал их от судилища. А все эллины, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем; и Галлион нимало не

беспокоился о том» (Деяния, 18: 12–17).]. Что касается политической жизни, то мы уже упоминали Бальба.

До окончания I века императором стал еще один испанец – Нерва, и с ходом времени императоры все чаще происходили из провинций. В те дни, когда империя разваливалась на части и местные военачальники пользовались своей военной силой, чтобы сделаться независимыми правителями, нигде не произошло возврата к прежней национальной автономии, но везде военачальник становился римским императором и воспроизводил, насколько позволяли обстоятельства, римское устройство, судебные формы, должностную иерархию, сенат и даже монеты, и, что более удивительно, в последние дни империи некоторые из ее самых убежденных и преданных защитников против собственного же народа были германцами или имеющие германское происхождение.

Можно привести еще немало доказательств полноты этой романизации, но, пожалуй, наилучшим примером является язык, ибо он один из тех составляющих, которые народ, старающийся существовать независимо, стремился бы сохранить сознательнее всего, как мы видим это на примере валлийцев, а также по тому, что в речи современной Европы перестали использоваться национальные языки и латынь стала всеобщим языком от устья Дуэро до устья Дуная. Нельзя сказать, что это произошло с каждым человеком. В отдаленных сельских районах и среди низших классов национальный язык долго оставался местным диалектом. В некоторых самых труднодоступных краях национальная речь сохранилась надолго, как у басков и в Бретани. Но латынь стала универсальным языком всех состоятельных классов. Кроме того, эта перемена произошла не потому, что кто-то сознательно отказывался говорить на своем родном языке и усваивал вместо него латынь. Просто во всех повседневных делах было очень удобно, если все говорили на латыни вдобавок к родному языку. Латынь учили без намерения отказаться от родной речи, и, безусловно, в течение одного или двух поколений оба языка существовали бок о бок в качестве общеупотребительных, и местный язык лишь постепенно выходил из употребления и исчезал. Как мы знаем, в некоторых случаях, как, например, в Карфагене, весьма значительная литературная деятельность на местном языке продолжалась и после того, как латынь стала повсеместной.

В одной части империи мы наблюдаем явное исключение из этого поглощения местных народов римским. В восточной половине Древнего мира другой язык стал всеобщим и другая цивилизация была почти столь же распространена, как

римская на Западе. Историческая причина этого нам известна. В то время как упадок политической жизни самой Греции достиг своей низшей точки, пришли эллинизированные македонцы и с военным превосходством греческого воина построили великую восточную империю. И хотя эта империя едва ли вообще была греческой в своей политической жизни или в своих институтах, да и, более того, во многом противоположна всему, что могла создать подлинно греческая политическая жизнь, но громадное превосходство греческой интеллектуальной цивилизации и тот факт, что греческий язык был языком власти и правящего класса, сделал греческий язык и греческие идеи всеобщими[23 - Известным доказательством в этом вопросе языка является Новый Завет. Такие фрагменты, как Деяния, 14: 11 («Народ же, увидев, что сделал Павел, возвысил свой голос, говоря по-ликаонски: боги в образе человеческом сошли к нам») и 22: 2 («Услышав же, что он заговорил с ними на еврейском языке, они еще более утихли»), – примеры того, как родной язык весьма любопытным образом продолжал использоваться в качестве местного наряду со всеобщим языком.]. Они основательно укоренились на Востоке ко времени римского завоевания, так что Рим вступил там в соприкосновение с всеобщей цивилизацией, не менее высокоразвитой, чем его собственная. Естественно, она сохранила свое место. Кроме как политически, Риму нечего было предложить Востоку, и там не было необходимости в объединении и ассимиляции, которую Рим проводил на Западе. Однако политически Рим мог предложить очень многое, и такое его влияние на Востоке оказалось не менее сильным и долговременным, чем на Западе. Закон и государственные учреждения и формы стали полностью римскими. Латынь стала языком правительства и закона и оставалась таковой до конца VI века. В греческих компендиумах и переводах законодательство Юстиниана оставалось основой закона поздней Восточной империи. Даже когда столь отдаленная часть римской территории, как Пальмира, попыталась в III веке создать новое восточное государство, она прибегла к римским политическим формам, и у подданных современной Турецкой империи не было оснований радоваться тому, чему их правители научились от римлян в вопросе налогообложения. Это исключение из всеобщей романизации Древнего мира, которое представляет собой Восток, скорее видимое, нежели реальное.

В этом процессе ассимиляции Рим, как уже высказывалось предположение выше, являл собой разительную противоположность Греции. Афинам времен Делосского союза[24 - Делосский союз – первый в Древней Греции афинский морской союз приморских городов и островов Эгейского моря, объединившихся в 478/477 до н. э. под гегемонией Афин. Возник в период греко-персидских войн (500–449) как объединение греческих полисов для совместной борьбы против персидской державы Ахеменидов. Формально это был союз независимых и

равноправных полисов. Собрания союза происходили на острове Делос в святилище Аполлона, где хранилась (до 454/453 до н. э.) союзная казна, находившаяся в ведении 10 выборных казначеев. (Примеч. ред.)] представилась та же возможность, которая и Риму. Спарте она представилась вновь после Пелопоннесской войны. Трудности на их пути были лишь немногим больше, чем те, с которыми столкнулся Рим в Италии; но ни то ни другое греческое государство не сумело сделать и шага к реальной консолидации Греции, и обе империи распались. Это различие и даже причины его были настолько явны, что они не избежали внимания очевидцев того времени. Замечательная речь, которую Тацит в двадцать четвертой главе одиннадцатой книги «Анналов» вкладывает в уста императора Клавдия, иллюстрирует столь многие из только что рассмотренных вопросов, включая и последний, что я позволю себе привести здесь отрывок из нее. Когда встал вопрос о допуске галлов в сенат, против чего выдвигались различные доводы, Клавдий сказал[25 - Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. Т. I. Анналы. Малые произведения. М: Науч. - изд. центр «Ладомир», 1993.]: «Пример моих предков и древнейшего из них Клавса, родом сабинянина, который, получив римское гражданство, одновременно был причислен к патрициям, убеждает меня при управлении государством руководствоваться сходными соображениями и заимствовать все лучшее, где бы я его ни нашел. Я хорошо помню, что Юлии происходят из Альбы... и, чтобы не ворошить древность, [скажу], что в сенате есть выходцы из Этрурии, Лукании, всей Италии и, наконец, что ее пределы были раздвинуты вплоть до Альп, дабы не только отдельные личности, но и все ее области и племена слились с римским народом в единое целое. Мы достигли прочного спокойствия внутри нашего государства и блистательного положения во внешних делах... Разве мы расквашиваемся, что к нам переселились из Испании Бальбы и не менее выдающиеся мужи из Нарбоннской Галлии? И теперь среди нас живут их потомки и не уступают нам в любви к нашей родине? Что же погубило лакедемонян и афинян, хотя их военная мощь оставалась непоколебленной, как не то, что они отгораживались от побежденных, так как те – чужестранцы? А основатель нашего государства Ромул отличался столь выдающейся мудростью, что видел во многих народностях на протяжении одного и того же дня сначала врагов, потом – граждан. Пришельцы властвовали над нами; и детям вольноотпущенников поручалось отправление магистратур не с недавних пор, как многие ошибочно полагают, а не раз так поступал народ и в давние времена»[26 - Грек Дионисий Галикарнасский в своих «Римских древностях» (кн. II, гл. XVI и XVII), описывая отношение римлян к их подданным, которое «в немалой степени способствовало возрастанию их владычества», говорит: «Сравнивая обычаи эллинов с этими, я не понимаю, как можно восхвалять устои, присущие лакедемонянам, фиванцам и весьма гордящимся мудростью афинянам, которые, ревниво храня свое

благородство, за редким исключением не давали никому своего гражданства... При этом сами они, не вкусив никакого блага от подобной кичливости, наносили себе большой вред» (Дионисий Галикарнасский. Римские древности: В 3 т. Т. 1. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005). Один же автор утверждает, что конституция Афин, как она описана у Аристотеля, сделала невозможным существование великой афинской империи, поскольку не предоставляла достаточных прав подданным и союзникам.].

Эта тема заслуживает даже более полного изложения и пояснения, так как благодаря всеобъемлющей романизации мира труд Рима смог оказать свое радикальное влияние на всю последующую историю. Без этого его, скорее всего, ждала бы гибель. Именно полнота этой ассимиляции так прочно закрепила римские идеи в умах всех его подданных, что последующий поток германских варваров, охвативший империю, не смог их вытравить, а вынужден был в конце концов и сам поддаться их влиянию.

Однако это отнюдь не единственный важный результат, проистекающий из единства, установленного Римом в Древнем мире. Совершенно явно, что Рим подарил всему Западу более высокоразвитую цивилизацию, чем была у него прежде. В течение одного или двух поколений благодаря ему провинции оказывались на той высоте, на достижение которой без посторонней помощи им потребовались бы столетия. Это вполне очевидно, к примеру, в вопросах правительства и порядка, любому читателю «Записок о Галльской войне» Цезаря [27 - «Записки о Галльской войне» - сочинение Гая Юлия Цезаря, в восьми книгах которого он в присущей ему точной, сжатой и энергичной манере описал свое завоевание Галлии в 58-50 гг. до н. э., а также две переправы через Рейн и высадку в Британии. Точная дата написания неизвестна. Последнюю книгу дописал после смерти полководца Авл Гирций, предпослав ей свое послание Бальбу. (Примеч. ред.)]. И так было во всех аспектах цивилизации.

Эта империя также сдерживала германское завоевание в течение трех веков или более того. Рим остановил процесс вооруженной миграции, предвестниками которого были кимвры и тевтоны [28 - Примерно в 120 г. до н. э. кимвры вместе с тевтонами и амбронами (древнегерманские племена) двинулись на юг и в районе долины Дуная вступили в контакт с римлянами. Одержав в 113 г. до н. э. победу над римлянами при Норее в Норике, прошли затем на север в Галлию, где нанесли римлянам ряд поражений (в 109 и 107 гг., и самое тяжелое - при Араузионе в 105 г.). В Испании, однако, они получили отпор от местных племен - кельтиберов. В 102 г. до н. э. кимвры двинулись на Рим, но в 101 г. до н. э. были

разгромлены при Верцеллахе войсками римского полководца Гая Мария – так же, как за год до этого были разбиты племена тевтонов. (Примеч. ред.)] в конце II века до нашей эры и который Ариовист [29 - А р и о в и с т (I в. до н. э.) – вождь германского племени свевов. В 59 г. до н. э. Юлий Цезарь способствовал признанию сенатом Ари-овиста в качестве «друга римского народа». (Примеч. ред.)], несомненно, начал во времена Цезаря; и его снова начали Аларих [30 - А л а р и х I (ок. 370–410) – вождь и первый король вестготов. (Примеч. ред.)] и Хлодвиг [31 - Хлодвиг I (ок. 466–511) – король франков. (Примеч. ред.)]. В промежутке между ними германцы атаковали римские преграды, и со времен Марка Аврелия с ними вели отчаянную борьбу, которая в конце концов стала безнадежной. Но этих четырех столетий, полученных Римом, оказалось достаточно. В течение них провинции полностью романизировались, христианство распространилось по всей империи и приобрело ту компактную и прочную организацию, которая была столь жизненно необходимой в неразберихе последующих лет [32 - «Может показаться, что существование Римской империи и далее в IV и V вв. имело единственную цель – подготовить путь для христианства. Ибо как только оно проникло во все провинции и достаточно окрепло, чтобы сохранить свое существование вопреки протесту и ереси, империя пала жертвой варваров» (Вильгельм Арнольд).], а римское право получило свое научное развитие и точную формулировку.

Невозможно переоценить историческую важность того факта, что это было именно органическое единство, установленное Римом, а не просто соединение фрагментов, искусственно удерживаемых вместе вооруженной силой, благодаря которому цивилизованный мир стал как бы единой нацией. Более того, невозможно даже высказать этот факт словами так, чтобы передать его полное значение. Здесь на помощь читателю должно прийти его воображение. Мы уже показали, что именно таков был характер союза, установленного Римом. Союз не только внешнего, но существующего во всех областях мысли и деятельности; и он был всесторонним – Галлия стала настолько римской, что, когда римское правительство исчезло, галлы не могли и помыслить себя кем-то иными, если не римлянами. Непосредственным результатом этого было то, что романизированные жители провинций сразу же начали процесс романизации своих германских завоевателей и преуспели везде, где у них были хорошие шансы; и именно по этой причине, несмотря на падение Рима, римские институты не погибли вместе с ним.

Более отдаленным последствием этого было то сильное влияние, которое идея единства, одной охватывающей весь мир империи, оказывала на умы людей на протяжении всего раннего Средневековья. Именно оно вместе с влиянием

другого, более реального союза – великой объединенной церкви, существование которой стало возможным только благодаря этому римскому единству, – удержало Европу от распада в эпоху феодализма. Еще более отдаленное последствие состоит в том, что современная федерация наций, которую мы называем христианским миром, основанная на столь неисчерпаемом кладезе общих идей и традиций, является результатом римского единства. Если бы не Рим, скорее всего, со временем она сформировалась бы благодаря чему-то иному, но так уж сложилась история, что это произошло благодаря Риму.

Наконец, это римское единство позволило распространиться христианству. При тех религиозных идеях, которые преобладали в Древнем мире до Рима, стоило христианскому миссионеру лишь попытаться объявить о своей религии за пределами Иудеи, как его арестовали бы и казнили за попытку совершить государственный переворот. Нужна была терпимость одной национальной религии к любой другой в империи и слияние всех местных национальных правительств, чья жизнь и процветание считались связанными с процветанием национальной религии, в великое всеохватывающее правительство, которое могло позволить себе терпеть любые формы религии, которые, по логике войны, оказались уступающими его религии, – все эти результаты завоеваний Рима потребовались для того, чтобы христианство стало всеобщим. Как говорит Ренан[33 - Р е н а н Жозеф Эрнест (1823–1892) – французский философ и писатель, историк религии, семитолог. (Примеч. ред.)]: «Трудно представить себе, как могли бы преуспеть апостолы, как они вообще могли приступить к выполнению своего замысла в условиях, когда Малая Азия, Греция, Италия были разделены на сотни мелких республик, а в Галлии, Испании, Африке и Египте оставались в силе их старые национальные институты. Единство империи было необходимой предпосылкой для любого религиозного прозелитизма в широком смысле, если он хотел поставить себя выше национальностей».

Так, завоевание Римом мира и понимание того, как им воспользоваться, решающим образом повлияли на весь дальнейший ход истории. Но, помимо того, некоторые черты политических достижений Рима привели к чрезвычайно важным последствиям. И самое долгое влияние имело римское право.

Весьма значительный кодекс законов, сложившийся во времена республики, но несколько узкий и суровый в силу обстоятельств его племенного происхождения, в империи существовал в условиях, которые благоприятствовали как существенным изменениям его характера, так и очень быстрому и широкому распространению. Это уже был закон не мелкого

государства или какого-то довольно однородного народа, но великой империи и множества совершенно разных этнических общностей, и эти обстоятельства, наряду с присущим Риму гением, должны были без какого-либо внешнего влияния привести к решительному смягчению самых грубых черт закона и его развитию в направлении общей справедливости. Но именно в это время возник стоицизм с его этическим учением, столь глубоко затронувшим римский разум, со многими его принципами, будто специально сформулированными так, чтобы применяться в той или иной системе права. Таковы источники того решительного улучшения и морально-научной реорганизации римского права, которые, начиная с первых лет II века, продолжались до тех пор, пока оно оставалось живой системой. Следует признать твердо установленным, что в этом процессе гуманизации права христианство не играло никакой роли, которую можно было бы проследить до достижения эпохи христианской империи в IV веке. Затем, хотя процесс гуманизации продолжается по уже сложившимся принципам, мы можем отметить некоторое влияние истинно христианских идей, а также богословских и церковных представлений.

Развиваясь по двум путям, по которым развиваются все великие системы права – пути принятия законодательных актов, а также установления прецедентов и решения дел в соответствии как с писаными, так и неписаными законами, – этот корпус права к IV христианскому веку стал огромным и очень сложным для применения. Он был разбросан по бесчисленным трактатам, полон повторений и излишеств, не лишен противоречий и не имел таких средств, как печать и алфавитные указатели, которые так успешно помогают нам справляться с аналогичной массой законов, так что необходимость кодификации с очевидностью встала перед римским умом, как, возможно, впоследствии и перед англосаксонским. Сначала мы видим попытки отдельных лиц произвести кодификацию – кодексы Григория и Гермогениана, вероятно, IV века, которые содержат только императорские конституции, то есть статутное право. Затем мы видим кодекс Феодосия – императора Феодосия II, обнародованный в 438 году нашей эры и также содержащий только статутное право, хотя есть вероятность, что император намеревался включить в него до окончания работы весь корпус законов. Этот кодекс, составленный во времена захвата германцами Западной империи, оказал решительное влияние на все раннее Средневековье. Затем последовала окончательная кодификация в виде составления *Corpus iuris civilis* – свода гражданского права императора Юстиниана между 528 и 534 годами. Он включал в себя:

I. Собственно кодекс, который содержал действовавшие тогда императорские конституции, или статутное право, сведенные к самым кратким формулировкам,

отсекая все ненужные разглагольствованиа, повторения и противоречия и охватывая главным образом, хотя и не исключительно, публичное и церковное право.

II. Дигесты, или Пандекты, содержавшие в такой же сокращенной форме общее или прецедентное право, состоявшее в основном из *responsa* – высказываний юристов, аналогичные тем решениям, которые выносят наши судьи, и охватывавшие в основном частное право, в особенности законы о собственности[34 - Это то, что мы в нашей системе назвали бы «неписаным законом», хотя сами римляне относили такие высказывания к писаному закону (Институции, I, и, 3), и в империи они имели силу установленного закона, хотя и в некотором роде ограниченную. Вплоть до падения республики классификация, которая уравнивает публичное право со статутным, а частное – с общим, остается достаточно точной, но для эпохи империи это не так.].

III. Институции, краткое изложение принципов права, предназначенные для того, чтобы служить учебником для студентов, изучающих римское право, и, может, даже для более общего использования в качестве введения в основы права.

IV. Новеллы, императорские конституции, охватывающие различные предметы, изданные Юстинианом после завершения работы над кодексом. О них обычно говорят как о входящих в оформленное собрание как часть *Corpus iuris civilis*. Однако это было сделано не Юстинианом, во всяком случае не в качестве обязательного к исполнению указа, и собрания дошедших до нас новелл несколько отличаются друг от друга по своему содержанию.

Самым важным следствием этой кодификации, с нашей точки зрения, было следующее: благодаря ей огромная и разбросанная масса закона, которая в этом виде, несомненно, погибла бы, – история говорит, что книги, по которым она была произведена, действительно в основном погибли, – была сведена к четкой форме в несколько томов, которые легко можно было сохранить. Благодаря такому приданию ей определенной формы, помещению в книгу, которую и сегодня можно изучить в том виде, в каком она существовала в VI веке, был обеспечен непосредственный контакт принципов римского права с каждым будущим поколением.

Специфическое воздействие этого права нетрудно проследить. Вскоре после возобновления его изучения в юридических школах Италии XII века политические условия Европы предоставили необычайную возможность

сформироваться классу обученных юристов. Под их влиянием четкий и научный свод законов во многих государствах континентальной Европы заменил местные законы, которые в силу особых обстоятельств феодальной эпохи были еще более запутанными и ненаучными, чем, как правило, бывает обычное право; или, если он фактически и не заменил их, то стал законом для тех случаев, которые не охватывались обычным правом. Этой замене в значительной степени способствовал тот факт, что в феодальных государствах шел процесс формирования абсолютных монархий, которые находили естественного союзника и помощника в духе римского права. В результате это право по-прежнему остается частью живой и действующей правовой системы многих современных народов. Благодаря французской и испанской колониальной оккупации оно стало правом для части территории, которая относится к Соединенным Штатам, и составляло право Луизианы кодекса 1824 года, английское по языку, но римское по законам и формулировкам. Даже общее англосаксонское право, сохранившее свой исконный характер и способность к естественному саморазвитию, испытало на себе глубокое влияние римского права в конкретных доктринах, как, например, порядок наследования. Еще более примечателен тот факт, что в силу его сохранения в Восточной империи его переняли мусульманские государства, и оно стало важнейшим источником их права, внося, как утверждают, гораздо больший вклад, нежели Коран, в систему правосудия, которая ныне преобладает во всем мусульманском мире.

Помимо прямого влияния системы в целом, многие из принципов римского права в силу своего почти proverbialного характера повлияли на идеи и факты более поздних времен. Самый известный пример – абсолютистская сентенция «*Quod principi placuit legis habet vigorem*»[35 - «Что угодно повелителю, то имеет силу закона» (Институции, I, ii, 6).], которая в значительной мере способствовала узурпации законодательных прав монархами в конце Средних веков и вместе с заметной централизующей тенденцией системы в целом стала одной из наиболее действенных причин возникновения абсолютных монархий в государствах континентальной Европы[36 - Пример влияния таких принципов, представляющих особый интерес для американцев, можно найти во фразе «Все люди созданы равными» и других подобных, которые так часто встречаются в политических документах и трудах времен нашей революции. Это максимы, которые перешли в римский закон из стоицизма. Они стали часто и по-новому использоваться после возрождения римского права в хартиях об освобождении, столь многочисленных в конце Средних веков, для разъяснения причин этих хартий. То, что они снова вышли на свет с их очень краткими формулировками того, что казалось великой истиной, особенно привлекательной для теоретиков в государствах, пользовавшихся небольшой реальной свободой, не позволило им

погрузиться в забвение, и они перешли в сочинения умозрительных философов XVII и XVIII вв., а из этого источника – в политические документы конца XVIII в. Особенно интересно посмотреть, как они действовали в качестве фактического закона, по крайней мере в одном случае, причем таким образом, который удивил бы старых римских юристов. Внесенные в конституцию штата Массачусетс, они привели к решению его Верховного суда 1780 г. объявить рабство незаконным в этом штате.]

Влияние римского права оказалось не менее творческим и в другой огромной области применения – в законе и теологии церкви. Великая система канонического права, сложившаяся в управлении церковью в Средние века, почти исключительно основана на римском праве, и церковные суды исходили из того принципа в его практическом понимании, что все двусмысленное и неоднозначное следовало разьяснять ссылкой на римское право. В теологии западной церкви влияние римского права было менее прямым, но не менее важным. «Прослеживая ход развития латинского богословия от Августина до последнего схоласта, мы можем увидеть в трактовке таких тем, как грех, искупление, покаяние, индульгенции, отпущение грехов, подспудное влияние концепций, которые ввела в употребление римская юриспруденция» (проф. Джордж П. Фишер). Столь же сильное влияние можно проследить и в терминологии и идеях многих других наук, и в таких этически-политических понятиях, как божественное право королей, долг пассивной покорности и теория общественного договора. Действительно, не будет преувеличением сказать, что ни один другой продукт человеческого разума, даже греческая философия, не обладал столь далеким или, в его непосредственной первоначальной форме, столь долговременным влиянием, как римское право.

Еще один специфический продукт римской политической системы отличался такой же продолжительной жизнью и почти таким же широким влиянием – императорская власть. Из демократической республики, где само имя царя вызывало ярую ненависть, в силу необходимости, неизбежно возникающей в процессе управления огромной империей, сформировался настоящий деспотизм, но нового типа, в новых формах и под новым именем, хотя граждане утверждали, что прежняя республика продолжает существовать, как прежде, и это само по себе является одним из самых убедительных примеров способности римлян к созданию институтов[37 - Ровно противоположный процесс – превращение монархии в республику при сохранении монархических форм, – такова институциональная способность англосаксов.]. Его интенсивная централизация на несколько поколений замедлила падение Рима; его истинное величие и священные обряды глубоко впечатлили германских захватчиков, что

стало одной из самых веских причин, приведших к возникновению папства и давших ему образец для действий почти во всех областях его деятельности, абсолютизм современной Европы в значительной степени определялся им, и даже современные формы слова «цезарь» – кайзер и царь – в правительствах аналогичного типа, несмотря на все их различия в деталях, доказывают силу и постоянство его влияния даже в тех регионах, над которыми Рим никогда не имел прямого контроля. Ниже нам придется уделить некоторое внимание мощному консервирующему действию двух идей, которые стали ассоциироваться с этим правительством, – тому, что ему провидением было назначено объять весь мир и существовать до тех пор, пока существует мир.

Этих случаев может быть достаточно для иллюстрации, но это отнюдь не единственные примеры долговечного характера политических достижений Рима, о которых мы могли бы упомянуть. Политический лексикон свидетельствует о его долговечности так же ясно, как научный лексикон – о влиянии арабов, и в нашей работе мы еще встретим множество подобных свидетельств.

Итак, мы рассмотрели вклад Древнего мира в цивилизацию. От Греции – непревзойденная литература и искусство, основы философии и науки. От Рима – доведенная до наивысшего совершенства система права, образец самого эффективного абсолютизма и объединение Древнего мира в органичное целое – фундамент всей последующей истории.

Однако, заканчивая эту главу, мы должны помнить, что даже в этом общем наброске мы опустили один большой аспект цивилизации, который не можем адекватно рассмотреть ни здесь, ни где-либо еще. Это то, что можно назвать хозяйственным и механическим аспектом. От древних к Средним векам перешли большие успехи в этой области. Знание искусства механики, приобретенный опыт и изобретения; методы земледелия и судоходства; организация торговли и коммерции, не полностью исчезнувшая; накопление капитала; расчистка и мелиорация земли, дома, дороги и мосты, многие из которых использовались на протяжении всего Средневековья; административные методы как общего, так и местных правительств; одним словом, всевозможные практические знания и подготовка, а также множество механических приспособлений. Экономическое влияние Римской империи во многом сказалось на значительных подвижках истории. Важные примеры включают в себя сравнительно свободную торговлю, установленную империей, состав римской виллы или фермы, начало процесса, превратившего раба в крепостного, вынужденную зависимость мелкого

землевладельца от крупного. Все это вместе в каком-то смысле составляет самые первичные и фундаментальные грани цивилизации, и о них нельзя забывать, хотя, за исключением ряда случаев, которые мы отметим, они, как и большая часть политической истории, требуют отдельного, конкретного рассмотрения.

Глава 2

Введение христианства

В Римскую империю пришла христианская религия, внося свой вклад великих идей в идеи греков и римлян и в конечном счете выступив как первое из грандиозных влияний, превративших Древний мир в современный. Она появилась сразу после того, как империя была реорганизована в монархию. Численно христианство возрастало очень медленно в течение следующих нескольких поколений, в то время как империя еще оставалась сильной и совершенствовала свою организацию; по мере приближения упадка римской мощи оно начало распространяться все быстрее и к середине IV столетия, накануне германского завоевания, превратилось в господствующую религию, может, не по численности, но определенно по влиянию, энергии и реальному контролю над обществом.

По крайней мере, в те времена, когда эта новая вера начинала свое восхождение, ее прогресс замедлялся в силу определенных характерных для нее черт. Ее сторонники были малочисленны. Они происходили из низших слоев общества, ремесленников и рабов, и в большей степени это были женщины, а не мужчины, поэтому христианство почти не привлекало тех, кто обладал положением и влиянием. Его миссионерами, кроме того, были евреи – беспокойный народ, не желающий ассимиляции, столь же презираемый и ненавидимый римскими язычниками, как и средневековыми христианами. Поэтому там, где христианство привлекало хоть какое-то внимание, его, по всей видимости, считали некой мятежной группировкой евреев, обезумевших из-за какого-то невразумительного пункта своих народных суеверий – сектой-изгоем народа-изгоя.

Кроме того, христианству присуще то постоянное качество, что по меньшей мере многие его внешние черты в ту или иную конкретную эпоху – принципы поведения, на которых оно настаивает упорнее всего, – определяются, а можно даже сказать, выбираются, в зависимости от характера тех величайших зол, с которыми на тот момент ему приходилось бороться особенно яростно. В первый век его главным врагом, которого оно должно было победить, было язычество. Христианство учило другим важным истинам и преодолевало другие пороки, но одним смертельным противником, чью полную власть над обществом нужно было разрушить в первую очередь, было многобожие. Этот разительный контраст между новой религией и господствующим язычеством неизбежно приводил к строгости учения и практики монотеистической доктрины, которую языческому обществу было трудно постичь и которая поставила христианство в невыгодное положение в соперничестве с другими многочисленными восточными религиями, распространившимися в то время по Римской империи, поскольку римскому наблюдателю оно казалось не более чем очередным верованием из этого общего разряда.

Эти другие религии говорили римлянам: продолжайте поклоняться собственным богам, поклоняйтесь стольким богам, скольким хотите, только примите вдобавок еще и этого; ваши боги хороши, но мы предлагаем вам кое-что получше в каком-то конкретном смысле, некое более совершенное утверждение общей истины, примите и его тоже. Христианство же говорит: нет, все эти учения ложны, всякое идолопоклонство – смертный грех, вы должны отказаться от всех этих учений и принять только наше как единственно истинную и исключительную веру. И такого учения христиане придерживались в своей повседневной жизни, и зачастую оно касалось даже таких мелочей, как пища, которую следовало есть, и профессии, которыми следовало заниматься. Это было требование совершенно новое и непостижимое для обычного языческого разума, воспитанного в идеях неограниченного пантеона, хотя тенденцию к монотеизму и можно найти в самой развитой религиозной мысли того времени.

Неудивительно, что решимость христианина скорее пойти на смерть, чем выполнить простейший обряд языческого богослужения, казалась римлянам самой упрямой и безумной глупостью. Иными словами, нужно было полностью перевернуть исконно присущие древнему разуму взгляды на вопросы религии, прежде чем новая вера смогла бы выполнить столь трудную задачу, не вполне завершённую в ту эпоху, что мы увидим ниже, когда приступим к рассмотрению того, как трансформировались христианские идеи в результате этой борьбы.

И все же, невзирая на эти препятствия и, по-видимому, небольшие шансы на успех, христианство добилось чрезвычайно быстрого прогресса в относительном

увеличении количества своих сторонников. Исходящее из ничтожной провинции, от презираемого народа, провозглашенное какой-то горсткой невежественных трудяг, требующее неслыханного самоконтроля и самоотречения, обреченное со временем нажить себе могущественных врагов в высококультурном и критически настроенном обществе, на которое оно нападало, – все было против него. Но всего лишь за одно поколение оно стало успешно проповедоваться во всех центральных провинциях Римской империи и далеко за ее пределами. Во II веке его прогресс среди всех классов шел очень быстро. Менее чем за триста лет после распятия Христа оно стало признанной религией императорского двора, повсюду в империи встало на равное юридическое основание с язычеством и еще до окончания века стало единственной законной религией государства. Такой успех христианства кажется чудом, и Фримен ничуть не преувеличил, сказав так: «Чудо из чудес, более великое, чем высохшие моря и расколотые скалы, более великое, чем воскрешение мертвых к жизни, случилось, когда Август на своем троне, понтифик римских богов и сам бог для подданных Рима, склонился перед распятым жителем провинции своей империи». Христианство должно было обладать какими-то огромными преимуществами, которые компенсировали бы его трудности и позволили бы ему добиться столь скорой победы перед лицом таких преград.

Самыми важными, куда более важными, чем остальные из преимуществ, была определенность и уверенность его учения в вопросах бессмертия души и искупления греха.

Какой бы причиной его ни объясняли, факт остается фактом: общество империи чрезвычайно интересовало эти два вопроса. В последние дни республики вера римлян в их народную мифологию, возможно, ослабела, но интерес к более глубоким проблемам религии только усилился. В начальные дни империи на первый план вышел более насущный вопрос: живет ли душа после смерти? можем ли мы узнать хоть что-то о будущей жизни? – и различные формы религии, главным образом с Востока, например, культ Изиды, какое-то время собирали многочисленных приверженцев, поскольку, как казалось, предлагалось более полное откровение по этому вопросу. Когда наступили черные дни и над империей сгустились злобные тучи, другой вопрос потребовал к себе большего внимания, и на Западе привычной стала практика всевозможных искупительных обрядов восточного происхождения, чудовищно кровавых, отвратительного характера. Среди них первое место принадлежало митраизму, который в какой-то момент казался серьезным соперником христианства. Но искреннего человека, ищущего помощи в какой-то ясно осознаваемой духовной нужде, практика обрядов и ритуалов не может

удовлетворить надолго, и христианство обладает огромным преимуществом перед своими соперниками в самом характере своего учения в этих вопросах и в уверенности в своей вере. Христианский учитель не говорил: я верю. Он говорил: я знаю. По вопросу о бессмертии он обращался к фактическому случаю воскресения, подтвержденному, по его словам, свидетельством множества очевидцев – основатель его веры не восстал из мертвых благодаря какому-то чудотворцу, который вызвал его к жизни заклинаниями, а воскрес сам, благодаря силе внутренней и высшей жизни, над которой не властна смерть. По вопросу о прощении греха он обращался к историям бесчисленных людей – и даже общин и племен, – преобразенных силой его Евангелия от жизни во грехе и вырождении к жизни дисциплинированной и праведной.

То единственное, что составляло сущностную особенность этого учения по сравнению с другими религиями, без сомнения, было также и тем, из чего проистекала наивысшая уверенность христианина и его стойкая вера. Это убеждение христианина в том, что Спаситель установил между ним и Богом тесную личную связь. Нежное отцовство Бога, желающего простить грешника и возродить в нем заново силы к чистой жизни, было для верующего центральной истиной Евангелия. Божья любовь перекрыла страх перед Богом в качестве руководящего принципа и превратилась в гораздо большую силу, чем когда-либо прежде. Христианский апостол не требовал веры в какую-либо систему интеллектуальных истин. Раннее христианство, по-видимому, не требовало теологии[38 - «К вящей славе ранней церкви, она не требовала для своей паствы никакого вероучения из абстрактных доктрин» (Филлипс Брукс [1835–1893, американский епископальный священник. – Ред.]).]. Оно не требовало проведения определенных обрядов и церемоний. Обряды раннего христианства были самыми простыми и считались целью. Оно требовало личной любви к личному Спасителю. Это было провозглашение – единственным способом, который сделал бы его практической силой повседневной цивилизации, а не простой теорией из ученых книг – основополагающей истины, к которой стремилась вся философия, к единству Бога и человека, гармонии конечного и бесконечного. И оно действительно стало великой силой и оставалось таковой в той мере, в какой ее не замутили заблуждения последующих лет. Не может быть никаких сомнений, что эта личная вера в личного Спасителя, эта вера в Божью любовь и реальность небес принесла тысячам бедных и невежественных, причем в такой же высокой степени, то же утешение, уверенность и бесстрашие перед судьбой, как спокойствие и утешение, которые философия приносила культурному меньшинству.

Этот своеобразный личностный характер христианской веры, несомненно, как мы только что отметили, был источником всепобеждающей уверенности в ответе на две великие религиозные потребности той эпохи, которая и дала христианству решающее преимущество перед любой другой религией. Всеобъемлемость, с какой оно удовлетворяло самые глубокие духовные потребности того времени, полнота утешения, которое оно приносило обездоленным и несчастным, – вот самые действенные причины его быстрого распространения и стойкой власти над приверженцами.

Хотя эти факторы являются самыми важными, упоминания заслуживают и некоторые второстепенные причины быстрого распространения христианства. Изучение греческой философии, особенно Платона, привело некоторых к христианству после того, как оно начало привлекать к себе внимание образованных классов. Но и здесь опять же оно предлагало большую определенность и уверенность в ответах на вопросы, поднятые греческой философией, которые и стали решающей причиной его принятия. Гонения тоже оказали обычное действие. Они привлекли внимание многих тех, кто в противном случае не заметил бы новой веры, и заставили людей задаться вопросом, не должно ли быть в этой вере чего-то большего, нежели кажется на поверхности, чтобы объяснить спокойствие и радость христиан перед лицом смерти.

Искренность и восторженность всех первых новообращенных в новое вероучение были особенно характерны для христиан и казались заразительными. Ранние христиане постоянно обращались к влиянию христианства на жизнь принявших его как к свидетельству о характере их религии, и это наверняка был очень убедительный аргумент. Было бы крайне интересно подробно изучить этическое влияние раннего христианства, насколько это позволяют сделать имеющиеся данные. Не может быть никаких сомнений, что, пока оно оставалось чистой и простой религией, его влияние производило нравственный переворот в тех, кто принимал его. Достаточно только вспомнить моральные наставления Нового Завета или перечень грехов, которые не позволяют войти в Царство Небесное, или такие факты, как запрет на участие и даже посещение гладиаторских боев – самого захватывающего развлечения Древнего мира, или запрет на некоторые профессии – работу по металлу, актерство, порой и солдатскую службу или занятие государственных должностей, чтобы понять, на какой полный контроль над поведением человека оно претендовало и как откровенно обрушивалось на типичные грехи века, и хотя христианство не преуспело в уничтожении греха ни в мире, ни в своих собственных приверженцах, по-видимому, было немало случаев, когда этот

процесс заходил достаточно далеко, чтобы предоставить миссионерам веские доводы для привлечения новых обращенных.

Подобно всем великим движениям такого рода, распространение христианства не следует объяснять действием одной причины, ибо и другие, может не менее важные, способствовали быстроте его охвата. Как бы ни объяснялся этот факт, число его сторонников вскоре стало достаточно велико, чтобы привлечь к себе внимание государства. Как бы обстояли дела в I веке, независимо от того, видело ли римское правительство той эпохи какие-то различия между христианами и иудеями и было ли у него хоть малейшее представление о том, что оно творит своими гонениями при таких тиранах, как Нерон и Домициан, несомненно, но в начале II столетия оно пришло к пониманию христианства и его отношения к государственной религии - отношения, которого едва ли мог не заметить добросовестный римский правитель.

Действия римского правительства в отношении многих новых религий, пробивавших себе путь на Запад, были непоследовательны. В них чередовались легкомысленное безразличие или видимая благосклонность с приступами репрессий, которыми на самом деле ничего не добивались. Однако в христианстве существовал элемент враждебности по отношению к государству, которого не было ни в одной другой из новых религий. Другие религии могли привести к пренебрежению людьми государственной религией в силу того, что новое вероучение возбуждает больший интерес, но христианство настаивало на полном отказе от государственного культа, причем не как от плохой религии, а как от настоящего, особо гнусного греха. По всем римским понятиям, такая претензия не могла считаться ничем иным, кроме как бунтом и изменой. Безопасность государства зависела от приверженности граждан государственному культу. Если богам воздаются подобающие почести, если тщательно исполняются все жертвоприношения, государство процветает; если же ими пренебрегают и поклоняются им небрежно, следуют несчастья. Несомненно, эта вера в практическую, если не в теоретическую, сторону заметно слабела во времена процветания в римской истории. Но она не была забыта, и, когда общие несчастья участились и мощь государства, казалось, пошла на убыль, для искреннего реформатора естественно было поверить, что именно пренебрежение богами стало источником бед, и пытаться вернуть процветание при помощи восстановления государственной религии; или, если он сам не верил в это всей душой, для него было естественно считать, что «рефлекторное влияние» искреннего государственного культа поставит преграду перед причинами упадка.

Из этого следует, что время систематических и сознательных гонений наступает, когда реальные правители империи осознают смертельный характер ее болезни. Надо сказать, вполне очевидно, что в течение I столетия власти не имели четкого представления о существовании христианства. II век – это время местных и временных законов против христиан. В III столетии мы переходим в эпоху ужасающе быстрого упадка и самых серьезных, хотя и нерегулярных попыток дальновидных императоров повернуть поток вспять, и это была эпоха спланированных и бескомпромиссных гонений на христиан со стороны императоров. Для таких императоров, как Деций, Валериан и Диоклетиан, альтернативы, по сути, не существовало. Христианство для них было огромным и организованным нарушением закона. Оно яростно осуждало государственную религию как смертный грех. Оно откровенно отрицало всякий первейший долг лояльности государству и обращалось к более высокой преданности иному отечеству. Никакое восстановление прежних условий в Риме, на которое надеялись реформаторы, не могло быть осуществлено без преодоления христианства[39 - Вся эта тема учения раннего христианства относительно отношения индивида с государством и его влияния в Римской империи чрезвычайно интересна. Неоднократно утверждалось, будто необычайная яркость, с которой оно рисовало картины более высоких интересов будущей жизни, картины подданства в Царстве Христовом, более широкого и более обязательного, чем любое земное подданство, была одной из серьезных причин распада Римского государства. Доказательства этого утверждения представляются мне совершенно неубедительным. Как максимум можно с уверенностью утверждать, что позиция христиан была весьма существенным препятствием на пути усилий по восстановлению и возрождению средней империи, и более того, настолько существенным препятствием, что, с точки зрения римского государственного деятеля, оно вполне оправдывало попытки реформистов-императоров силой подавить христианство, поскольку не было никаких способов вернуть его сторонников к их долгу перед государством. Я не думаю, что из этого следует, будто христианское вероучение было безусловной причиной распада.].

Но было уже поздно. Христианство к тому моменту стало слишком сильным. Систематические гонения III века ни к чему не привели, а последние, Диоклетиановы, закончились буквальным признанием поражения. Не то чтобы христиане теперь оказались в большинстве. Это было далеко не так и оставалось еще долго. У нас нет точных цифр, но, по-видимому, в начале IV века они составляли не более одной десятой от общей численности населения в восточной половине империи и не более одной пятнадцатой в западной. Однако они обладали значением, совершенно несоизмеримым их числу. Мрачный и

безнадежный страх перед будущим воцарился в языческом мире, который стал понимать, что его лучшие дни прошли и что его высочайшие творения приходят в упадок; казалось, он теряет былой самоуверенный дух и энергию. Но христиан вдохновляла надежда на будущее, совершенно не зависимое от судеб империи. Сотрясения и крутые переломы настоящего могли быть всего лишь подготовкой к лучшей эре, и христианская община, в отличие от языческой, была исполнена воодушевления, энергии и пыла новой жизни. Вдобавок христиане составляли основу городского населения, то есть их масса, как бы мала она ни была по сравнению со всей империей, сосредоточилась в центрах влияния и заняла стратегические позиции. Кроме того, христианская организация, хотя и менее плотная, чем станет вскоре, позволяла ее членам быстро связываться друг с другом и действовать совместно. Несомненно, их сила превышала их относительную численность и, вероятно, в еще большей степени, чем они сами осознавали. Но это было задолго до того, как пришел тот человек, который стал об этом подозревать и, обратив этот факт в свою личную выгоду, обеспечил триумф христианства над язычеством.

Мы не можем утверждать, что Константин^[40 - Константин Великий, Флавий Валерий Аврелий Константин, Константин I (272–337) – римский император, стал единственным полновластным правителем Римского государства; сделал христианство господствующей религией, в 330 г. перенес столицу государства в Византий (Константинополь), организовал новое государственное устройство. С именем Константина I связано окончательное установление в Римской империи системы домината, т. е. неограниченной власти императора. (Примеч. ред.)] объявил себя сторонником христианства, убедившись в его истинности или по религиозным мотивам. Действительно, нет никаких доказательств, что в душе он когда-либо был подлинным христианином. Его мотивы нетрудно угадать. Когда он отправился из своей небольшой приграничной провинции с маленькой армией на завоевание империи, у него практически не было шансов на успех. Но история мало знает людей, обладавших большей политической дальновидностью, нежели Константин. Не будет опрометчивым предположить, что наедине с собой он рассуждал так: если он провозгласит себя защитником этой доселе незаконной и преследуемой секты, они сплотятся в его поддержку со всем энтузиазмом и он заручится помощью самой истовой группировки в государстве. Большая слабость язычества в противоположность христианству должна была быть очевидна для столь прозорливого наблюдателя. Язычество с его разрозненными силами, не имеющее ни руководства, ни безоглядной уверенности в себе, ни веры в будущее, ни миссии в настоящем, которая пробудила бы энергию и жизнь, было не той силой, какую столь амбициозный и трезвомыслящий молодой человек выбрал бы для того, чтобы вести к победе.

Мотивы, которые побуждали его поддержать христианство, были чисто политическими, и результат со всей определенностью подтвердил правоту его суждения.

Однако в другом смысле поступок Константина имеет более важное значение и является частью более широкого движения.

Трансформация Римской империи из древней в средневековую произошла за полвека, последовавшие за воцарением Диоклетиана. Изменения, внесенные им в формы и конституции, модифицированные и продолженные затем Константином, ознаменовали настоящую революцию, полный поворот. Империя оторвалась от своего прошлого. Она уже больше не притворялась тем, чем была вначале. Она откровенно признала ситуацию такой, какой была, и уже не пыталась вернуть прежнее. Она открыто посмотрела в лицо будущему. Эта перемена логически влекла за собой признание христианства. Нет уверенности, что Диоклетиан смутно не осознавал этого. Но Константин осознал это достаточно ясно, чтобы начать действовать, хотя он, возможно, и не сумел бы выразить это словами.

Для христианства, как и для империи, это был век перехода, век трансформации по характеру и устройству, итоги которой мы рассмотрим чуть позже.

Нам остается показать, насколько это возможно, вклад христианства в нашу цивилизацию как одного из четырех великих источников, из которых она и произошла. Каковы новые элементы, которые внесла в человеческую жизнь и прогресс христианская религия?

Для этого нам сначала необходимо вкратце отметить два элементарных факта, которые мы подробнее изложим в другой главе. Во-первых, мы должны рассмотреть влияние христианства как исторической силы, а не божественной религии. Истинна или ложна его претензия на особый божественный характер, не имеет никакого значения для этого вопроса. Здесь мы должны установить те влияния, которые, безусловно, следуют из него, как исторические факты, независимо от того, какую гипотезу мы принимаем.

Во-вторых, в данном случае нас не интересуют ни те результаты, которых достигло христианское богословие, ни те, к которым привела церковь как правящая сила или религиозное учреждение. В обоих этих направлениях

христианская религия послужила основой для грандиозных исторических сооружений, которые имели чрезвычайно важные последствия. Но ни в том ни в другом случае христианство как религия не является подлинной творческой силой, и следствия, вытекающие из догматической системы или церкви, можно отнести на счет религии только в той мере, в какой она предоставила повод для действия сил, которые в действительности и привели к этим результатам. В данный момент нас интересует именно религиозная сторона, а не богословская или церковная, хотя они тоже сыграют роль в нашей истории в других главах.

Опять-таки следует заметить, что влияние религиозного характера, как и любых чистых идей, трудно проследить с абсолютной точностью. Их действие с гораздо меньшей вероятностью будет описано в документах, чем другие причины, которые могли способствовать общему результату. Например, не может быть никаких сомнений в том, что в США евангельское учение в тысячах отдельных случаев было решающим фактором, под влиянием которого сложился общественный протест против рабства перед началом Гражданской войны; однако было бы гораздо сложнее написать историю его влияния, нежели историю политических влияний, которые действовали в сочетании с ним. В таких случаях, в отсутствие убедительных доказательств, мы часто ограничиваемся логическими умозаключениями, однако эти умозаключения могут быть настолько очевидны, что фактически становятся равнозначны доказательству.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

В российской историографии выделяют следующие крупнейшие периоды мировой истории: Первобытное общество (на Ближнем Востоке – до ок. 3000 г. до н. э.), Древний мир (в Европе – до 476 г. н. э.), Средние века (476—1640-е), Новое время (1640–1918) и Новейшее время (1918 г. – наши дни). В западной историографии окончание Средних веков связывают с XVI в., после чего начинается единый период современной истории. (Примеч. ред.)

2

О д о а к р (ок. 431–493) – начальник одного из наемных германских отрядов на римской службе, низложивший в 476 г. Ромула Августа и захвативший власть в Италии («падение Западной Римской империи»). (Примеч. ред.)

3

Российская историография, отмечая завершение Средневекового периода в 1640-х гг., ориентируется на окончательное умирание феодализма в Европе, подписание Вестфальского мира (1648), по итогам которого религиозный фактор перестал играть существенную роль в европейской политике, а также на Английскую революцию. (Примеч. ред.)

4

Пожалуй, было бы несправедливо по отношению к чероки требовать от них, чтобы они за 100 лет добились такого же прогресса, какого франки добились за 300, и если беспристрастно рассмотреть все факты, из них отнюдь не следует, что чероки не сравнялись бы с германцами по скорости развития, и больше того, чрезвычайно их превосходят. (Здесь и далее, если не указано отдельно, примен. авт.)

5

Описание некоторых этих частных см. в новелле Феликса Дана Felicitas, повествующей о воображаемом захвате римского пограничного города германским племенем. Другие см. в описании войн Карла Великого с саксами во «Введении в Средние века» Эмертона.

6

Можно провести одно весьма интересное сравнение между последовательными изменениями условий в Галлии, если сопоставить фрагменты из Цезаря, наир., I, 17, 18; VI, 11-15 и другие, которые показывают состояние провинции, в каком он ее нашел; письма Сидония Аполлинария накануне завоевания, которые говорят, каково было ее состояние в лучшие дни римской оккупации; и рассказ о Сихарии у Григория Турского, VII, 47 и IX, 19, или фрагмент из Григория в гл. 6 «Франки и Карл Великий» (с. 138-139), показывающий ее состояние при франках.

7

В течение всего хода истории тевтонские народы, превыше всех прочих, отличались своей способностью адаптироваться к изменившейся среде и в короткое время оказываться в полной гармонии с новыми условиями. Именно это больше, чем что-либо другое, позволило им оказать столь огромное влияние на современную историю. Будь то тевтоны в Римской империи, или норманны во Франции и Сицилии, или датчане, пруссаки, или голландцы в Америке, в каждом случае в удивительно краткий срок иммигранты прочно обосновывались на новой земле, как дома, будто жили на ней веками, поистине неотличимо от исконных жителей. Современный немец в своем Фатерлянде может жаловаться на то, что язык и особенные черты народа так быстро исчезают, но тот, кто изучает историю, легко увидит, что никаким иным способом этот народ не мог бы стать тем, кем стал – великой творческой силой современной цивилизации.

8

Имеются в виду слова Альфреда Теннисона «Лучше пятьдесят лет Европы, чем китайский век». Во времена Теннисона Китай считался страной, застывшей в своем развитии, где ничего не меняется. Таким образом, здесь «китайский век» означает период застоя. (Примеч. пер.)

9

Цитата из Данте об Аристотеле, «Ад», песнь IV: «Я увидел: учитель тех, кто знает...» Под «учителями» имеются в виду величайшие мыслители. (Примеч. пер.)

10

Спор о том, являются ли общие понятия – универсалии – реально существующими (реалисты) или всего лишь именами существующих вещей (номиналисты). (Примеч. пер.)

11

Бывает даже, что эта оценка греческого труда в отдельных случаях выражается в экстравагантных формах. Ренан в предисловии к своей «Истории израильского народа» говорит: «Структура человеческой культуры, созданная Грецией, предрасположена к неограниченному расширению, но в некоторых своих элементах она достигла полноты.

Прогресс будет состоять в непрерывном развитии того, что зародилось в Греции, в осуществлении задуманных ею планов, которые она, так сказать, наметила для нас» (т. I, с. i), «Я даже добавлю, что, на мой взгляд, величайшее чудо в истории – сама Греция» (с. х). Саймондс с очевидным одобрением приводит следующую цитату: «Один автор, не менее здравомыслящий в своей философии, чем красноречивый в языке, недавно заметил, что „кроме слепых сил природы, в этом мире нет ничего, что не было бы греческим по происхождению “» («Возрождение обучения», с. 112). Процитированный отрывок, конечно, лучше свидетельствует о красноречии автора, нежели о его здравомыслии.

12

Даже федеральное правительство нельзя считать исключением. Как часть будущего политического аппарата мира федеральное правительство, безусловно, является творением Соединенных Штатов, и где бы еще в истории ни использовался федеральный принцип, его развитие в государственный институт для применения в гораздо большем масштабе, чем когда-либо прежде, слишком очевидно является естественным развитием особых условий и обстоятельств наших колониальных правительств, чтобы его можно было приписать какому-либо иностранному влиянию.

13

Ученый, который внимательно сравнит греческие конституции с римской, несомненно, сочтет первые более совершенными и более законченными образцами политической работы. Недостаточный и неполный характер, свойственный римской конституции практически в любой момент ее истории, количество институтов, которые представляются всего лишь временными мерами, являются неизбежными следствиями методов ее развития для удовлетворения потребностей, возрастающих с течением времени; фактически они свидетельствуют о ее весьма практическом характере.

14

Поуп Александр (1688–1744) – английский поэт XVIII в., один из крупнейших писателей британского классицизма. (Примеч. ред.)

15

Ганнибал (247–183 до н. э.) – карфагенский полководец, один из величайших полководцев и государственных деятелей древности, был заклятым врагом Римской республики. Военный историк Теодор Айро Додж назвал Ганнибала «отцом стратегии», так как его враги, римляне, заимствовали у него некоторые элементы его стратегии. (Примеч. ред.)

16

Б а л ь б-старший Луций Корнелий (I в. до н. э.) – римский политический деятель, консул-суффект 40 г. до н. э. (Примеч. ред.)

17

Грамматист (греч. *grammatistes*) – у древних греков лицо, обучавшее искусству правильно говорить и писать, учитель начальной школы. (Примеч. ред.)

18

С е н е к а-старший Луций Анней (ок. 54 до н. э. – ок. 39) – выдающийся римский писатель-ритор и историк. В Средние века сочинения Сенеки-отца смешивались с сочинениями Сенеки-сына.

Сенек а-младший Луций Анней, или просто Сенека (4 до н. э. – 65), – римский философ-стоик, поэт и государственный деятель. Воспитатель Нерона и один из крупнейших представителей стоицизма. {Примеч. ред.}

19

Л у к а н Марк Анней (39–67) – римский поэт, значительнейший римский эпик после Вергилия. Родом из Испании, племянник философа Сенеки, получил образование в Риме. {Примеч. ред.}

20

Г а л л и о н Юний (первоначально Луций Анней Новат, ок. 5— 65) – старший брат Сенеки-младшего. Свое новое имя, Галлион, получил после усыновления его сенатором Луцием Юнием Галлионом. В 51/52 г. был проконсулом провинции Ахайя. В 56 г. Галлион – консул-суффект. (Примеч. ред.)

21

Деяния апостолов, полное название – Деяния святых апостолов, – книга Нового Завета, повествующая о событиях, происходивших вслед за евангельскими. (Примеч. ред.)

22

«Между тем, во время проконсульства Галлиона в Ахаии, напали иудеи единодушно на Павла и привели его пред судилище, говоря, что он учит людей чтить Бога не по закону. Когда же Павел хотел открыть уста, Галлион сказал иудеям: „Иудеи! Если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас, но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей в этом”. И прогнал их от судилища. А все эллины, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем; и Галлион нимало не беспокоился о том» (Деяния, 18: 12-17).

23

Известным доказательством в этом вопросе языка является Новый Завет. Такие фрагменты, как Деяния, 14: 11 («Народ же, увидев, что сделал Павел, возвысил свой голос, говоря по-ликаонски: боги в образе человеческом сошли к нам») и 22: 2 («Услышав же, что он заговорил с ними на еврейском языке, они еще более утихли»), – примеры того, как родной язык весьма любопытным образом продолжал использоваться в качестве местного наряду со всеобщим языком.

24

Делосский союз – первый в Древней Греции афинский морской союз приморских городов и островов Эгейского моря, объединившихся в 478/477 до н. э. под гегемонией Афин. Возник в период греко-персидских войн (500–449) как объединение греческих полисов для совместной борьбы против персидской державы Ахеменидов. Формально это был союз независимых и равноправных полисов. Собрания союза происходили на острове Делос в святилище Аполлона, где хранилась (до 454/453 до н. э.) союзная казна, находившаяся в ведении 10 выборных казначеев. (Примеч. ред.)

25

Корнелий Тацит. Соч.: В 2 т. Т. I. Анналы. Малые произведения. М: Науч. – изд. центр «Ладомир», 1993.

26

Грек Дионисий Галикарнасский в своих «Римских древностях» (кн. II, гл. XVI и XVII), описывая отношение римлян к их подданным, которое «в немалой степени способствовало возрастанию их владычества», говорит: «Сравнивая обычаи эллинов с этими, я не понимаю, как можно восхвалять устои, присущие лакедемонянам, фиванцам и весьма гордящимся мудростью афинянам, которые, ревниво храня свое благородство, за редким исключением не давали никому своего гражданства... При этом сами они, не вкусив никакого блага от подобной кичливости, наносили себе большой вред» (Дионисий Галикарнасский. Римские древности: В 3 т. Т. 1. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2005).

Один же автор утверждает, что конституция Афин, как она описана у Аристотеля, сделала невозможным существование великой афинской империи, поскольку не предоставляла достаточных прав подданным и союзникам.

27

«Записки о Галльской войне» – сочинение Гая Юлия Цезаря, в восьми книгах которого он в присущей ему точной, сжатой и энергичной манере описал свое завоевание Галлии в 58–50 гг. до н. э., а также две переправы через Рейн и высадку в Британии. Точная дата написания неизвестна. Последнюю книгу дописал после смерти полководца Авл Гирций, предпослав ей свое послание Бальбу. (Примеч. ред.)

28

Примерно в 120 г. до н. э. кимвры вместе с тевтонами и амбронами (древнегерманские племена) двинулись на юг и в районе долины Дуная вступили в контакт с римлянами. Одержав в 113 г. до н. э. победу над римлянами при Норее в Норике, прошли затем на север в Галлию, где нанесли римлянам ряд поражений (в 109 и 107 гг., и самое тяжелое – при Араузионе в 105 г.). В Испании, однако, они получили отпор от местных племен – кельтиберов. В 102 г. до н. э. кимвры двинулись на Рим, но в 101 г. до н. э. были разгромлены при Верцеллахе войсками римского полководца Гая Мария – так же, как за год до этого были разбиты племена тевтонов. (Примеч. ред.)

29

А р и о в и с т (I в. до н. э.) – вождь германского племени свевов. В 59 г. до н. э. Юлий Цезарь способствовал признанию сенатом Ари-овиста в качестве «друга римского народа». (Примеч. ред.)

30

А л а р и х I (ок. 370–410) – вождь и первый король вестготов. (Примеч. ред.)

31

Хлодвиг I (ок. 466–511) – король франков. (Примеч. ред.)

32

«Может показаться, что существование Римской империи и далее в IV и V вв. имело единственную цель – подготовить путь для христианства. Ибо как только оно проникло во все провинции и достаточно окрепло, чтобы сохранить свое существование вопреки протесту и ереси, империя пала жертвой варваров» (Вильгельм Арнольд).

33

Р е н а н Жозеф Эрнест (1823–1892) – французский философ и писатель, историк религии, семитолог. (Примеч. ред.)

34

Это то, что мы в нашей системе назвали бы «неписанным законом», хотя сами римляне относили такие высказывания к писаному закону (Институции, I, и, 3), и в империи они имели силу установленного закона, хотя и в некотором роде ограниченную. Вплоть до падения республики классификация, которая уравнивает публичное право со статутным, а частное – с общим, остается достаточно точной, но для эпохи империи это не так.

35

«Что угодно повелителю, то имеет силу закона» (Институции, I, ii, 6).

36

Пример влияния таких принципов, представляющих особый интерес для американцев, можно найти во фразе «Все люди созданы равными» и других подобных, которые так часто встречаются в политических документах и трудах времен нашей революции. Это максимы, которые перешли в римский закон из стоицизма. Они стали часто и по-новому использоваться после возрождения римского права в хартиях об освобождении, столь многочисленных в конце Средних веков, для разъяснения причин этих хартий. То, что они снова вышли на свет с их очень краткими формулировками того, что казалось великой истиной, особенно привлекательной для теоретиков в государствах, пользовавшихся небольшой реальной свободой, не позволило им погрузиться в забвение, и они перешли в сочинения умозрительных философов XVII и XVIII вв., а из этого источника – в политические документы конца XVIII в. Особенно интересно посмотреть, как они действовали в качестве фактического закона, по крайней мере в одном случае, причем таким образом, который удивил бы старых римских юристов. Внесенные в конституцию штата Массачусетс, они привели к решению его Верховного суда 1780 г. объявить рабство незаконным в этом штате.

37

Ровно противоположный процесс – превращение монархии в республику при сохранении монархических форм, – такова институциональная способность англосаксов.

38

«К вящей славе ранней церкви, она не требовала для своей паствы никакого вероучения из абстрактных доктрин» (Филлипс Брукс [1835–1893, американский епископальный священник. – Ред.]).

39

Вся эта тема учения раннего христианства относительно отношения индивида с государством и его влияния в Римской империи чрезвычайно интересна. Неоднократно утверждалось, будто необычайная яркость, с которой оно рисовало картины более высоких интересов будущей жизни, картины подданства в Царстве Христовом, более широкого и более обязательного, чем любое земное подданство, была одной из серьезных причин распада Римского государства. Доказательства этого утверждения представляются мне совершенно неубедительным. Как максимум можно с уверенностью утверждать, что позиция христиан была весьма существенным препятствием на пути усилий по восстановлению и возрождению средней империи, и более того, настолько существенным препятствием, что, с точки зрения римского государственного деятеля, оно вполне оправдывало попытки реформистов-императоров силой подавить христианство, поскольку не было никаких способов вернуть его сторонников к их долгу перед государством. Я не думаю, что из этого следует, будто христианское вероучение было безусловной причиной распада.

40

Константин Великий, Флавий Валерий Аврелий Константин, Константин I (272–337) – римский император, стал единственным полновластным правителем Римского государства; сделал христианство господствующей религией, в 330 г. перенес столицу государства в Византий (Константинополь), организовал новое государственное устройство. С именем Константина I связано окончательное установление в Римской империи системы домината, т. е. неограниченной власти императора. (Примеч. ред.)

Купить: https://tellnovel.com/adams_dzhordzh/evropa-v-epohu-srednevekov-ya-desyat-stoletiy-ot-padeniya-rima-do-religioznyh-voyn-500-1500-gg

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)